

Михаил Палев

Древняя книга Агриппы

Артефакт & Детектив

Михаил Палев

Древняя книга Агриппы

«Палев Михаил»

2009

Палев М.

Древняя книга Агриппы / М. Палев — «Палев Михаил»,
2009 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-32294-7

Частный детектив Тавров не желает верить ни в какие сверхъестественные явления. Отработав в милиции несколько десятков лет, он знает, что есть факт, который следует проверить, вина, которую необходимо доказать, и сыщик, который все это исполнит. Однако в деле о пропавшей книге Агриппы Тавров сталкивается с неподвластными человеческому разуму структурами. Следовательский опыт и логика временами бессильны, а ему надо спасти людей, выкраденных для страшного обряда. Кучка сумасшедших сатанистов возомнила себя наместниками Дьявола и готова пролить кровь невинных жертв, чтобы захватить власть над миром...

ISBN 978-5-699-32294-7

© Палев М., 2009
© Палев Михаил, 2009

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	37
Глава 9	39
Глава 10	45
Глава 11	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Михаил Палев

Древняя книга Агриппы

...пусть скептики остаются в счастливом неведении в своей простоте и отстраненности от мира. Пусть они никогда не узнают о чудовищных вещах, притаившихся на границе нашей гибнущей цивилизации с вечностью.

Преподобный Монтегю Саммерс.

История колдовства

Часть I

Гадалка

Глава 1

– Пора бы им появиться! – проворчал Пафнутий. Вообще-то по паспорту он был Павел, но еще со школы все звали его Пафнутием. Сначала он обижался на детское прозвище и даже лез в драку. Потом, после первого срока, прозвище стало «погонялом», и он носил его даже с некоторой гордостью. Пафнутий морщился, двигал челюстью и с досадой говорил:

– Зуб разболелся – вот сука! И ведь всего-то несколько штук своих осталось. Последний раз мне дантист хитрый мост соорудил. Говорит, что дальше – только съемная челюсть. Не-е, при моей жизни – и столько особых примет!

– Зубы – какая же это примета? – усмехнулся Сергей. – Разве что у вампира!

– Не скажи! Вот к примеру: ты загнулся невесть где, а лет через десять тебя откопали... или типа по пьяни квартиру спалил и сам сгорел... Как опознать? Самое надежное – по зубам. Это меня зубодер просветил, когда я в прошлом году с зоны откинулся и здоровье поправлял. Тогда и мост соорудил. Ох, и муторное это дело, я тебе скажу...

– Вот он! – перебил его Сергей. Пафнутий замолк, достал пистолет с глушителем.

Броневик катил по улице к банку. Обычный желтый фургончик с зелеными полосами. Только синеватые бронированные стекла, маленькие бойницы и эмблема службы инкассации ненавязчиво напоминали, что это – маленькая крепость на колесах.

Сергей приспустил молнию на куртке, засунул руку за пазуху – ладонь легла на рубчатую рукоятку пистолета. Он явственно почувствовал ее надежную твердость, и это ощущение внезапно погрузило его в состояние странного оцепенения.

Он вдруг на мгновение оказался сидящим в тесной раковине броневика. На ногу навалился инкассаторский мешок с угловатыми от денежных пачек боками. Эти три ощущения были необычайно реальны: тесная полутемная покачивающаяся кабина броневика, рубчатая рукоятка засунутого за пояс пистолета и мешок с деньгами.

Из оцепенения его вывел лязг затвора и ругань Пафнутия. Броневик уже подъезжал к воротам банка.

– Проверь пушку – и двигаем! – сопя, хрипло бросил Пафнутий. Он, пригнувшись, шарил рукой под сиденьем. – Патрон, сука, – выскочил и закатился... Да хрен с ним, пора уже!

Сергей снял пистолет с предохранителя, дослал патрон и сунул пистолет обратно за пояс. Длинный глушитель давил на бедро. Они выскочили из машины – старой синей «копейки» – и быстрым шагом направились к банку. Броневик уже въезжал в открытые ворота.

Они как раз подошли к воротам, когда дверь броневика открылась и оттуда показался первый инкассатор. Сергей остановился и сделал вид, что прикуривает, заслонив лицо руками. Инкассатор скользнул по нему беглым взглядом и повернулся к машине, доставая мешок с деньгами. Сергей увидел застегнутую кобуру на широком ремне портупеи: так положено носить личное оружие армейским офицерам. Это хорошо! Из-за спины, да еще из застегнутой кобуры пистолет быстро не выхватишь.

– Давай! – прошипел Пафнутий. – Этот твой, второй – мой!

Они проскочили проем ворот, на бегу выхватывая пистолеты. Инкассатор среагировал на движение и повернулся в их сторону. Сергей с ужасом увидел пистолет в его руке. Во блин! Так он его не в кобуре держал, а в кармане или за поясом!

Сергей и инкассатор выстрелили одновременно. Громкий хлопок выстрела ударил по ушам, Сергей почувствовал движение воздуха от пули, пролетевшей между левой рукой и боком. «Черт! Все-таки служивый успел раньше, повернул бы чуть-чуть правее – и конец!» Инкассатору пуля попала в грудь, он выронил пистолет и медленно стал оседать возле машины.

Второй инкассатор, едва появившись в проеме двери, тут же получил пулю в лоб от Пафнутия и завалился внутрь кабины. Сергей подбежал к распахнутой двери, схватил мешок и бросил его Пафнутию. Потом поискал взглядом второй. Где? Да где же он?! Ага, вот! Второй мешок краешком торчал из-под трупа. Сергей выдернул его и чуть не потерял равновесие. Выругался. Пафнутий настороженно следил за входом в банк: там наверняка слышали выстрел. Но охранники не торопились лезть на рожон.

Пафнутий увидел, что Сергей достал второй мешок, бросил ему:

– Дверь держи! – и выскочил за ворота. Окинул взглядом улицу. Рядом никого, вал машин только двинулся от дальнего светофора.

– Ходу!

Пафнутий подбежал к тачке, распахнул заднюю дверцу, швырнул мешок на сиденье, а сам проворно втиснулся на место водителя. Сергей уже был возле машины, как вдруг из-за угла появилась девушка. Она шла стремительным шагом и буквально налетела на Сергея. Он чуть не упал и ухватился за нее. Девушка испуганно вскинула на него глаза. «Дура! Зачем?! Придется ее с собой тащить – ведь опознает, если что!» И Сергей втолкнул девушку в машину. Залез сам. Пафнутий рванул с места. Миновав банк, свернул направо и помчался по прямой узкой улице. Сергей крепко зажал ладонью рот пленнице, вдавив ей в бок глушитель пистолета.

Пафнутий свернул в сторону, закружил между домами и остановил машину на узенькой асфальтовой дорожке в густо заросшем деревьями дворе. Повернулся и мрачно сказал девушке:

– Не вздумай рыпаться! Чуть что – получишь пулю. Пушка с глушаком – никто и не поймет, в чем дело. Ясно? Пошли!

Он вылез из машины. Сергей вытолкнул девушку наружу. Пафнутий набросил на руку с пистолетом куртку, другой рукой обхватил девушку. Сергей бросил инкассаторские мешки в большую хозяйственную сумку – в таких «челноки» возят товар.

Они шли между домами и раскидистыми деревьями. Редкие прохожие не обращали на них внимания. Наконец Пафнутий остановился возле красного «Москвича». Он подождал, пока Сергей загрузит сумку в багажник и сядет в машину сам, затем затолкнул на заднее сиденье и девушку.

Они поехали в обратном направлении – на север, к Кольцевой, которая находилась в двух-трех километрах. Их никто не остановил по дороге, и они беспрепятственно покинули Москву. Впрочем, ехали недолго. Пропетляв с полчаса по грунтовым и узким асфальтовым дорогам, они выехали к укрывшемуся среди леса поселку. Поселок имел совершенно нежилой вид: несколько обгоревших или развалившихся домов по одну сторону дороги и – новый, солидный, добротного красного кирпича забор коттеджного поселка по другую.

Рядом с забором виднелся единственный уцелевший от прежних времен дачный дом с покосившимся облупленным зеленым штакетником и беспорядочно разросшимся кустарником во дворе. Возле него Пафнутий и остановил машину. Сергей вышел из машины, осмотрелся, затем вошел в дом. Через пару минут он вернулся и сообщил:

– Все чисто! Пошли, только девку держи, чтобы не орала.

Пафнутий потащил девушку в дом. Сергей закатил машину в покосившийся сарай, достал сумку с деньгами и укрыл машину старым дырявым брезентом. Огляделся и пошел внутрь.

В гостиной на старом продавленном и засаленном диване сидел Пафнутий и гладил девушку по щеке стволом пистолета. Девушку трясло от ужаса, она плакала и говорила:

– Я ничего никому не скажу! Отпустите меня, пожалуйста! Ну зачем я вам нужна?

– Щас покажу зачем! – гнусно ухмыльнулся Пафнутий.

Сергей поморщился и недовольно бросил ему:

– Давай заканчивай!

И пошел на кухню. Там он пересчитал деньги. Валюту аккуратно уложил в полиэтиленовый пакет, а пачки рублей сложил в серый пластиковый кейс. Потом откинулся на спинку стула и закурил.

Через полчаса появился Пафнутий. Он удовлетворенно застегивал брюки и насвистывал «Че те надо?».

– Девку кончил? – спросил Сергей.

– И на девке кончил, и девку кончил! – хохотнул Пафнутий. Он тоже закурил и спросил: – Ну че? Много взяли?

– На жизнь хватит! – заверил Сергей. – Отлежимся тут – и рванем на Багамы!

– Эх, и оттянусь я! – размечтался Пафнутий. Пока он мечтал, Сергей достал из холодильника бутылку водки, соленые огурцы и кусок ветчины. Разлил водку по стаканам. Пафнутий схватил свой и жадно выпил залпом. Смачно хрустел огурцом и спросил, подхватывая кусок ветчины ножом:

– А ты чего не пьешь?

Это был последний вопрос в его жизни. Сергей выстрелил, держа пистолет под столом. Он трижды нажал на спусковой крючок, прежде чем Пафнутий вместе со стулом завалился на пол. Сергей вскочил, обошел стол и склонился над Пафнутием.

Все три пули попали в живот. Пафнутий корчился и пытался достать из кармана куртки пистолет. Он так и не снял глушитель со ствола, и потому достать пистолет ему никак не удалось.

– За что? – белыми от боли губами прошептал Пафнутий.

– Псих ты, Паша! Козел без тормозов, держать себя в руках не умеешь. Еще опозоришь нас на Багамах. Так что прощай! – доходчиво объяснил ему Сергей и выстрелил Пафнутию в лоб.

Ну вот, без этого отморозка спокойней будет. А то черт его знает, что он выкинет! Теперь можно и на хазу подаваться. Сергей вовсе не собирался залегать на этой полусгнившей даче, хотя и заплатил хозяевам деньги за полгода вперед.

Для себя он давно уже приготовил теплую лежку на квартире у одной подруги. Хорошая просторная квартира в новом большом доме, где люди еще плохо знают соседей. И подруга хорошая: сразу оформила ему доверенность на машину. Сейчас очередную тачку сюда Вова подгонит. А там уж на ней Сергей доберется до автостоянки и возьмет авто подруги. Ага, вот и Вова!

Сергей высунулся в окно и помахал вышедшему из машины парню.

– Давай сюда, Вован!

Пока Вова разворачивал свою выдавшую виды «семерку» во дворе, Сергей достал пистолет Пафнутия. Длинный глушитель не помещался в кармане, и Пафнутий сделал для него дырку в подкладке. Вот за нее глушак и зацепился. Эх, Пафнутий, ну кто ж так делает!

Сергей достал наконец пистолет и поспешил к дверям. Засунув пистолет сзади за пояс, он открыл дверь и впустил Вову.

– Все чисто? – осведомился Сергей.

– Порядок! – заверил Вова. – Я все купил: и шампанское, и икру, и даже коньяк отличный! В багажнике все лежит. А где Пафнутий?

– За девками поехал. Ты иди, пропусти пока стакан.

– Ага! – обрадованно потер руки Вова и двинулся на кухню. Сергей пропустил его вперед и выстрелил Вова в затылок. Одновременно он толкнул его ногой в спину – чтобы кровь и мозги не испачкали Сергею одежду. Вова рухнул на пол рядом с Пафнутием. Сергей вытер рукоятку и бросил пистолет на пол. То же он проделал со своим пистолетом. Все, пусть теперь менты поработают, выясняя, что здесь произошло! Пусть трясут подельников Пафнутия и Вовы по прежним делам, их собутыльников и сокамерников! А он – всего лишь бывший одноклассник Пафнутия, простой водила автобуса, ранее не судимый, прописанный у матери, а живущий у очередной подруги. Пока до него доберутся, его уж и след простынет – зря, что ли, заграничный паспорт оформлял?

Сергей обильно полил все углы заранее приготовленным керосином. Потом спустился в подпол. В подполе огромной кучей лежало тряпье, оставшееся от владельцев дачи. Сергей взял еще одну канистру с керосином и вылил все ее содержимое на гору тряпья. Вылез из подпола, закурил. Сделал несколько затяжек и бросил окурочок вниз. Убедившись, что пропитанные керосином тряпки мгновенно вспыхнули, захлопнул крышку люка. Потом уложил деньги в багажник – там действительно лежало несколько бутылок шампанского, коньяка и куча деликатесов. Отлично, есть чем порадовать подругу!

Сергей подождал, пока в окна покажется пламя, чтобы убедиться: ничто не помешает огню уничтожить следы. Не торопясь закурил и медленно тронул машину, аккуратно выезжая с захламленного двора. Он не знал, что прогнивший пол, едва занявшись огнем, не выдержал веса газового баллона. Полный пропана баллон провалился в подпол и оказался лежащим горизонтально в гуще пропитанного горящим керосином тряпья. Это произошло в самом начале пожара, поэтому баллон взорвался, когда Сергей еще не успел покинуть двор.

Оглушительный взрыв взметнул в небо горящие бревна и доски. Тяжелая стальная сигара баллона, словно гигантский снаряд, ударила в «семерку» Сергея – смяла, перевернула и мгновенно превратила ее в пылающий факел.

* * *

Сергей проснулся весь в поту. Частые бухающие удары сердца отдавались в барабанных перепонках. Он повернулся на другой бок, пытаясь снова заснуть, но сон не шел. Сергей встал и тихо, чтобы не разбудить жену и дочь, прокрался в прихожую, нашел в кармане куртки сигареты и вышел на балкон.

Дурацкий сон! Он, бывший офицер-«афганец», а ныне сотрудник инкассаторской фирмы, и вдруг – грабитель! А старый друг, одноклассник по Рязанскому училищу ВДВ Пашка-Пафнутий, – и рецидивист, и насильник, короче, полный отморозок. Ну и приснится же такое! Надо бросать привычку смотреть на ночь дурацкие американские боевики. А то вон уже какая чушь начала сниться, да еще цветная и полноформатная, – так во сне и инфаркт получить недолго!

Сергей бросил окурочок в стеклянную банку и посмотрел на часы. Блин, четвертый час! Надо ложиться и поспать еще хотя бы пару часов, иначе утром он будет никакой.

Сергей снова улегся в постель. Он думал, что делает все тихо, но все-таки разбудил жену. Она вздохнула и спросила сонным голосом:

– Что, опять идиотский сон?

– Да, – виновато признался Сергей, – пойду утром к психотерапевту. Нам на работе положено раз в год с ним беседовать. Все равно фирма платит!

– Ты лучше к матушке Евфросинье сходи! – возразила жена. – Что психотерапевты?! Жулики одни! Я же вижу, как ты маешься. А Валька говорила, что матушка Евфросинья все верно говорит. За руку возьмет, поддержит, а потом карты раскинет, – и все, что скажет, то и сбывается. Может, она и вправду ясновидящая! А что? Я тут передачу научную по телевизору видела, так один академик так прямо и сказал: в мире происходит множество паранормальных явлений, и наука уже давно не отрицает эти явления как факт, а занимается их изучением. И про Вангу там рассказывали... А вдруг матушка Евфросинья действительно не хуже Ванги тайное видит? Ты сходи, Сереж, ведь она недорого берет – не разоримся! А если не объяснит, что делать надо, – то хоть скажет, когда все закончится.

Сергей недоверчиво хмыкнул. Жена разозлилась:

– Все смеешься! А о нас ты подумал? Я вон которую ночь не сплю!

Она встала, прошлепала босыми ногами по паркету.

– Вот... я тебе на стол, где деньги на обед положила, и записку с адресом кладу. Там и время указано, на которое я тебя записала. Сходи обязательно! А твой психотерапевт никуда не денется.

– Ладно! – примирительно отозвался Сергей. – Завтра день у меня свободный, так схожу. И к психотерапевту, и к гадалке твоей.

Сергей глубоко сомневался, что какое-либо лечение сможет ему помочь, но принятое решение сразу расслабило напряженные нервы. Он мгновенно уснул и крепко спал до утра без сновидений.

Глава 2

Кабак был насквозь прокуренный, шумный и маленький. К безусловным плюсам относились невысокие цены, вполне приличная готовка и неплохой выбор напитков. Хорошо продуманный интерьер крестьянской избы, разнесенные по уровням столики и видимая чистота придавали кабачку даже некоторый уют, а близость станции метро «Белорусская» делала его подходящим местом для встреч.

Неудивительно, что две подружки выбрали этот кабачок. Почти опустевшая бутылка сухого вина сделала и без того оживленный разговор совсем откровенным.

– Нет, Олюнь, я тебя все равно не понимаю! – категорически заявила Инга, роняя пепел в салат.

«Всегда она такая! – с грустной усмешкой подумала Ольга. – Как заведется, так ничего не замечает». А Инга тем временем громко развивала тезис:

– Ты посмотри, что за мужчина Борис! Это же мечта любой бабы! Представительный, обходительный, заботливый... При деньгах – дом полная чаша! И, в конце концов, ты же по любви за него замуж выходила – ведь так?

– Да когда это было, о чем ты говоришь! – раздраженно воскликнула Ольга. – Я тогда дура была молодая, девятнадцатилетняя! А он – солидный, преуспевающий, на «Вольво» ездил! Вот и вскружил мне голову. А головокружение быстро проходит, подруга, очень быстро! Я-то тоже думала: ну чего мне, дура, нужно? Оказалось – нужно! Любви нужно, Инуль, любви!

– Это твой Костя – любовь, что ли? – презрительно фыркнула Инга. – Тоже мне, герой-любовник! Да таких, как Костя... на любом курорте сотнями вокруг увиваются! О, кстати, – классная идея, подруга! Съезди-ка ты в Испанию или на Кипр... ну там, в Сочи, в конце концов! Там этих «мачо-мучачо» хоть лопатой огребай! Развеешься, приедешь – на своего Костю и глядеть не захочешь. Точно тебе говорю!

Инга совсем вошла в раж: лихо опрокинула бокал с вином и тут же закурила новую сигарету, прикурив от первой. Выпустив кольцо дыма, она проникновенно произнесла:

– Ты что думаешь, что у меня такого не было? Помню, года два назад в нашего замначальника втюрилась. Что за мужчина: мужественный, уверенный в себе, надежный, все ему в рот смотрят – а подарки какие дарил! Не то что мой рохля. Ох, что со мною творилось! Веришь, он только на меня посмотрит, а я уже все – ног не чую. А он ведь мне замуж предлагал! Потом как-то страсть схлынула – и что? Взглянула на него трезвым взглядом: зануда, эгоист, плешь уже видна – а ему всего-то тридцать пять! Опять же Викушка еще маленькая, ей родной отец нужен, а мой – хоть и рохля, и получает мало, зато заботливый, любит меня... Эх, да и прожитые годы в окно не выбросишь... Вот так вот, подруга! А ты говоришь – любовь! Так, спичка, вспыхнет ярким пламенем, да и погаснет.

– Тебе бы стихи писать! – усмехнулась Ольга. – Ты ведь в школе писала, помнишь? А тому высокому парню из параллельного класса целую поэму о любви накатала!

– Ох, и дура же я была! – прыснула Инга. – Да куда там теперь... Ой, хорошо сидим! Давай выпьем, Олюнь... вино кончилось! Давай еще возьмем, а?

– Сейчас закажу, – ответила Ольга. Она подозвала официантку, заказала еще бутылку сухого и два овощных салата. Затем закурила, откинувшись на спинку стула и, следя за струйкой дыма, задумчиво произнесла: – Может, ты и права. Точно! Съезжу в Сочи на недельку-другую, найду себе красавца молодого – глядишь и... Нет, не верю я в это! Веришь, Костя мне в кровь вошел – и сейчас о нем думаю!

– Тогда плюнь на все и выходи за него! – решительно заявила Инга. Официантка принесла заказ, Инга разлила вино по бокалам. Подружки выпили под салат. Ольга оставила вина на треть, Инга же допила до дна.

– Боюсь, Борис меня не отпустит, – вздохнула Ольга, – а Костю из фирмы он точно поперет! Не знаю даже, как быть. И есть ли выход? И чем все закончится?

– А ты к гадалке сходи! – предложила Инга. Ольга недоверчиво усмехнулась.

– Нет, я серьезно!

Инга проворно разлила вино по бокалам, не переставая рассказывать:

– Слишком в нас сильно рационалистическое мышление. А ведь рядом такие вещи происходят, такая мистика и паранормальщина, – аж жуть берет. Тут я по телевизору такой случай услышала – вообще не поверишь! В Америке одному мужику гадалка предсказала, что он умрет оттого, что разобьется, упав с большой высоты. Мужик поверил и стал всячески избегать высоты: никогда по лестницам не поднимался, жил на первом этаже и даже хобби себе выбрал – подводное плавание. Говорят, даже спал на полу, чтобы с кровати во сне не упасть, – представляешь?! Так вот и жил, а в один прекрасный день, – что ты думаешь? Плавает он себе как-то с аквалангом, и вдруг – какая-то сила его поднимает вверх. Он оглядывается и видит: оказался в каком-то конусе, заполненном водой. Ну он, понятно, всплыл, начал в стенки долбиться, потом смотрит вверх – батюшки мои! А там вертолет! Понимаешь, вертолет тушил лесной пожар, а воду зачерпывал таким огромным ведром. Зачерпнет – и на лес выливает. Ну мужика вместе с водой на лес и вылили. А потом пожарные идут по лесу и видят: висит на дереве покойник в полном водолазном снаряжении! Прикинь, картина?! Вот так! Ну давай, подруга, – за то, чтобы у нас все хорошо было!

Подруги выпили. Хмель уже слегка затуманил Ольге голову, и она с интересом слушала болтовню Инги. Когда та сделала паузу и принялась сосредоточенно поедать салат, Ольга спросила:

– А что, ты знаешь какую-нибудь гадалку?

– А то! – воскликнула Инга, хрустя сладким перцем. – Тут Наташка... ты Наташку знаешь? Ну клизма такая тощая с хвостом конским? Еще зубы как у лошади! Ну вспомнила?

Ольга не вспомнила, но кивнула, чтобы Инга не перебирала всех знакомых, – это могло затянуться надолго.

– Так вот! Не клеилась у Наташки жизнь, – до тридцати замуж никто не взял, на работе не зарплата, а кошачьи слезы, – короче, полный абзац! И еще залетела от одного мужика. В общем, хоть в петлю! Ну тут кто-то ей и посоветовал сходить к гадалке матушке Евфросинье. А чего ей терять? Пошла. Заплатила последние двадцать баксов. Рассказала все гадалке и говорит: что, дескать, делать? А та ей в ответ: «Ты, дочка, не спеши, а как встретишь того, с кем согрешила, так ему все и скажи, но ничего не требуй, ибо дается не вопиющему, но истинно в нужде пребывающему. И ждать недолго – снег первый выпасть не успеет».

Инга прервалась, чтобы отпить еще глоток вина, и продолжила:

– Наташка вышла злая-презлая: двадцать баксов жалко. Пришла домой, и вдруг этот ее хахаль, от которого месяц ни слуху ни духу, бац – звонит! Как бы нам встретиться, дескать? А Наташка возьми да ляпни: довстречались, беременная я! И трубку бросила. Легла в постель поплакать, себя пожалеть. И полчаса не прошло – заявляется! С цветами, при параде. Наташка дверь открыла, а он – бух на колени и замуж зовет. Я, говорит, со своей стервой женой развожусь, она детей не хотела, а через своего любовника-врача подстроила так, что вроде у меня бесплодие. А годов мне уже немало, так что родишь ребенка – на руках носить буду и всю озолочу. И что ты думаешь? Родила ему Наташка мальчика, так теперь живет в своем особняке, на иномарке раскатывает, няня с ребенком сидит, кухарка обед готовит, а муж с нее пылинки сдувает. Вот как!

– Новая мифология! – презрительно фыркнула Ольга.

– Не хочешь, не верь! – обиделась Инга. – Только сейчас даже наша дубоватая наука и та признает паранормальные явления реальным фактом, в том числе и ясновидение. Двадцать баксов для тебя все равно не деньги, а попробовать не мешает.

– Ладно, ну что ты! – примирительно сказала Ольга. Она не хотела обижать подругу. – Давай телефон этой гадалки, сегодня же ей позвоню.

– Вот и правильно, вот и умничка! – одобрила Инга, роясь в сумке. Извлекла потертую записную книжку с торчащими из нее лохматыми листками, попутно выронив косметичку. Долго листала, наконец нашла и тут же на салфетке карандашом для век написала номер телефона. – Когда пойдешь-то? – полюбопытствовала Инга. Ольга пожала плечами.

– Позвоню завтра. В принципе, неделя у меня свободная.

– Вот и хорошо! – обрадовалась Инга. – Расскажешь потом, ладно?

– Конечно! – согласилась Ольга. Инга взглянула на часы и спохватилась:

– Ой, Олюнь, мне пора! Мне еще моих кормить, а то ведь сами себе даже суп не погреют. Ну я побежала – не пропадай!

Ольга допивала вино и смотрела вслед торопливо пробирающейся по заставленному столиками залу Инге. Да, засосал быт! Впрочем, а может, так и стоит жить? Вытирать сопلي детям, стирать носки мужу... Нет, это не для нее! А что тогда для нее? И с Борисом жить не вмоготу, и с Костей сойтись невозможно: Борис измены не простит, оставит обоих без копейки, а для ведения своего собственного дела у Кости нет ни денег, ни управленческого таланта. Что делать? Может, и вправду сходить к гадалке? А что такого? Ведь наши прабабки всегда в тяжелую минуту к гадалкам бегали!

Ольга взяла со стола салфетку с телефонным номером и положила в сумку.

* * *

Попасть на прием оказалось очень просто. Ольга позвонила по телефону, и проникновенный женский голос сообщил условия: двадцать долларов предоплата, а дальше «в зависимости от результата». Это в «зависимости от результата» позабавило Ольгу, и она не смогла удержаться от иронического замечания:

– И что, кто-то платит... потом?

– Кто доволен результатом, тот платит, – невозмутимо отозвалась трубка, – так вас записывать?

– Да-да, девушка, разумеется! – спохватилась Ольга.

– Вас устроит завтра в пятнадцать тридцать?

– Вполне.

– Убедительная просьба не опаздывать, да и раньше времени приходить ни к чему. Записывайте адрес...

Ольгу порадовало, что офис гадалки находился недалеко от Сухаревской: не надо будет ехать на машине. Ольга не любила автомобиль, за рулем чувствовала себя очень напряженно и уставала от поездок. И время подходящее: успеет с утра прошвырнуться по магазинам – как сейчас говорят, «сделать шопинг».

Кто знает, может, именно гадалка подскажет решение запутанной проблемы?

Глава 3

В десять утра Сергей уже сидел у психотерапевта.

Психотерапевта звали Феликс. Он был среднего роста, толстый, в дорогом, но как-то мешковато сидящем костюме. Феликс курил трубку, испытующе глядя на Сергея сквозь толстые стекла очков в роговой оправе. Феликса рекомендовал замдиректора фирмы, где работал Сергей. «Он самый лучший специалист по постафганским синдромам!» Черт возьми, Сергей закончил воевать пятнадцать лет назад – и все по-прежнему списывают на этот проклятый синдром!

Феликс выслушал Сергея, выяснил всю его подноготную вплоть до падения из окна второго этажа в глубоком детстве и алкоголизма двоюродного брата. И категорически заключил:

– Вы неудовлетворены скорее жизнью вообще, нежели уровнем дохода. Как бывший офицер спецназа, вы тяготеете к быстрым силовым решениям. Не хватает денег, надоело пресное существование? Ограбить банк! Все это на подсознательном уровне, свободном от сознательных ограничений. Недоверие к окружающим и замкнутость – следствие постафганского синдрома. Оттого во сне вы предпочитаете расправиться с подельниками, а не делиться с ними. Скажите, а эта девушка из вашего сна... она не напоминала вашу дочь?

Сергей напрягся, пытаясь вспомнить. Вот черт, вроде действительно так!

– Как будто напоминала, – нерешительно ответил он.

– Вот видите! – довольно воскликнул Феликс. – Так подсознание создает дополнительную мотивацию убийства Пафнутия! Ведь в жизни он никогда не вызывал у вас негативного отношения? Все замыкается на вашем подсознательном неудовлетворении нынешней жизнью, стремлении радикально ее изменить. И дело вовсе не в нехватке денег, как вам кажется! Это просто поиск способов изменения жизни, протест против судьбы. Ну ничего страшного! Все отнюдь не безнадежно. Я справлялся и не с такими случаями, поверьте! Для начала будете ходить ко мне два раза в неделю... понедельник и четверг, семь вечера, – подойдет?

Сергей механически кивнул и спросил:

– Скажите, а когда я перестану видеть этот сон?

Феликс что-то записывал в толстый ежедневник. Он на мгновение вскинул голову и ответил:

– Когда пройдете курс лечения. Думаю, что через пару-тройку недель вы станете видеть этот сон гораздо реже, а через полгода вообще о нем забудете. Дело не во сне, понимаете? Дело в том, о чем он сигнализирует! Он сигнализирует о неврозе, который мы и будем лечить. И вылечим, можете не сомневаться!

А Сергей сомневался. Он с досадой подумал, что дело вовсе не в этом. Надо рассказать о том случае, тогда он поймет. И сказал:

– Вы спрашивали, было ли что-нибудь подобное... Сейчас я вспомнил! Лет пятнадцать тому назад...

Феликс откинулся на спинку кресла, сложил руки на груди:

– Да-да, я внимательно слушаю! Продолжайте!

– Ну лет пятнадцать тому назад, когда я служил в Афганистане, я несколько месяцев подряд видел один и тот же сон: будто я целюсь из гранатомета по БМП. Я понимаю, что это наш БМП, но ловлю в прицел борт, даю упреждение и стреляю... и тут я всегда просыпался!

– Хм, интересно... И как вы избавились от этого сна?

– Однажды наш БМП шел по дороге. Когда мы втянулись в «зеленку», меня вдруг как толкнуло: я развернул башню и врезал по «зеленке» из «Грома» и ПКТ. Сам не знаю, что на меня нашло: просто стрелял как безумный минуты две, расстрелял половину оружейного боезапаса, – а это два десятка снарядов семьдесят три миллиметра! Да и бойцы, глядя на меня, по

два магазина в «зеленку» высадили. Потом послал ребят проверить. Они нашли двух мертвых «духов», один был с гранатометом. И все! После этого я уже не видел того сна никогда. Так вот... Может быть, и сейчас... Ну я что-то чувствую?

– Вы хотите сказать: чувствуете будущее? – уточнил Феликс. – Предвидение, да? Момент ясновидения, такого сверхчувственного просветления... Так?

– Да, именно! – оживился Сергей.

Феликс снисходительно улыбнулся.

– Давайте разберемся: что именно вы чувствуете? Что хотите ограбить свой банк, вашу же собственную инкассаторскую машину?.. Абсурд, извините! Нет, там вы были на войне, где нервы напряжены, воля сконцентрирована, где ежеминутно ждешь опасности – и именно это сверхнапряжение иногда обостряет ощущение опасности! Но сейчас... нет, это типичный постафганский синдром, – поверьте мне, я достаточно знаю вашего брата «афганца». Сколько я их вылечил! Вылечу и вас, будьте уверены! А с паранормальщиной и прочей всякой мистикой, – это не ко мне, это к гадалке какой-нибудь!

Но уверенность Феликса Сергею никак не передавалась. Поэтому, выйдя от психотерапевта, он направился в сторону центра. Ха, лечить! А когда это закончится? Ладно, начальника ублажил – к психотерапевту сходил. Теперь надо ублажить жену, которая уже месяц убеждала его сходить к гадалке. И адрес дала: где-то на Сретенке. И даже приписала на записке, что звонила гадалкиной секретарше и записала его на три часа. Ишь ты, как на прием к академику! Ладно, уважим супругу – благо есть время, да и идти недалеко.

* * *

Сергей остановился у подъезда, достал из кармана записку и сверил адрес. Впрочем, он и так знал, что адрес правильный. Просто он дал себе еще немного времени, чтобы подумать: надо ли ему это? Действительно, надо ли?

Жизнь давно приучила его к осторожности, к тому, что в любой ситуации, самой опасной и безнадежной, когда адреналин бьет в голову, а чувство опасности холодит нервы, следует действовать решительно, опираясь на выработанные и въевшиеся в подсознание навыки. Опыт говорил ему, что решение уже давно принято и надо ему следовать, – во что бы то ни стало. Да и жене обещал!

Возле стальной двери, выкрашенной симпатичной светло-серой краской, виднелся щиток переговорного устройства. Над дверью хищно целился вниз пистолет видеокамеры. Сергей надавил на кнопку.

– К кому? – проворчал динамик переговорника.

– К матушке Евфросинье, – ответил Сергей, слегка запнувшись. Он чуть было не забыл, как величать гадалку.

– Фамилия? – спросил динамик.

– Воронцов, Сергей Николаевич.

Щелкнул замок, и Сергей отворил дверь.

В холле, за которым виднелись широкая лестница и лифтовая кабина за металлической сеткой, сидел за столом плотный мордастый парень в черной униформе.

– Документы предъявите, пожалуйста, – безразличным, но твердым голосом потребовал охранник. Сергей достал паспорт. Охранник пролистнул страницы, задержался на фотографии и вернул паспорт, сделав пометку в лежавшей перед ним распечатке. – Третий этаж, налево.

– Спасибо, – пробормотал Сергей и направился к лестнице.

Дом был старый – модерн начала двадцатого века. Теперь такие ставились на капитальный ремонт, внутренности переделывались до неузнаваемости, и оставалась лишь оболочка, декорация. Но этот дом еще нес в себе приметы старой, императорской России: дубовые

перила, кафельные узоры на полу, латунные кольца для ковровых дорожек в ступенях. Казалось, он хранил дух давних времен – дух, который не смогли истребить революция, разруха, коммунальный быт, война и перестройка. Лишь евроремонт дом вряд ли сможет пережить.

На третьем этаже Сергей сразу увидел нужную дверь. Рядом блестела латунная табличка с изящно выгравированной надписью: «Матушка Евфросинья, потомственная ясновидящая». Ниже белел прилепленный скотчем лист бумаги с принтерной надписью: «Порчу не навожу и не снимаю, приворотов и заговоров не делаю».

Сергей нажал на блестящую кнопку старинного медного звонка. «И как только местные алкаши не поворовавали все это медно-латунное великолепие», – подумал он. Не иначе, в этом подъезде либо проживает местный авторитет, либо давно повывели все коммунальные квартиры. Либо и то и другое одновременно.

– Вы по записи? – раздался вдруг приятный женский голос. Сергей вздрогнул – то, что он принял за щель почтового ящика, оказалось переговорным устройством.

– Да. Моя фамилия Воронцов, – ответил Сергей, – Воронцов Сергей Николаевич.

– Минутку, – там, видимо, сверялись со списком. Запищал зуммер, дверь приоткрылась. Сергей вошел в приемную. Приемная была просторная: видимо, снесли перегородку, объединив одну из комнат с частью коридора. Прямо напротив входной двери располагалось еще две: одна темного дуба, без надписей, другая – светло-серая, под цвет стен, с будничной надписью «WC». За итальянским письменным столом из серого пластика сидела миловидная блондинка в очках с тонкой золотистой оправой. Она оторвала глаза от экрана компьютера и сказала:

– Проходите, пожалуйста, матушка Евфросинья вас ждет. Только сначала внесите предоплату.

– Какая предоплата? – не понял Сергей.

– Авансовая стоимость консультации – двадцать долларов США по курсу Центробанка, – пояснила блондинка, – остальное в зависимости от результата.

– Это сколько?

– Сколько сочтете нужным, я же говорю – от результата.

– А долларами можно заплатить? А то терять на разнице курсов...

– Запросто! – успокоила Сергея блондинка.

Сергей положил двадцать долларов. Блондинка привычно выписала приходный кассовый ордер, мягким, почти неуловимым движением сгребла купюру в приоткрытый ящик стола и снова уткнулась в монитор.

Сергей толкнул дубовую дверь: та действительно оказалась тяжелой и повернулась на петлях медленно, хотя и бесшумно. В кабинете матушки Евфросиньи царил полумрак, рассеиваемый непонятно откуда льющимися струйками бледного света и старинной настольной лампой под красным абажуром, стоящей на огромном дубовом столе, покрытом зеленым сукном. Перед столом – большое кожаное кресло. Все, что находилось по ту сторону стола, терялось в полумраке. Вместо матушки Евфросиньи Сергей увидел только расплывчатый силуэт. Лишь лежащие на столе руки гадалки были освещены кругом света – пухлые, покрытые узловатыми клубками вен.

– Здравствуйте, – вполголоса сказал Сергей. В такой комнате ему вдруг захотелось говорить полупшепотом.

– Здравствуй, сынок, – прошелестел в ответ старческий скрипучий голос, – садись в кресло и рассказывай, не стесняйся. А потом уж я говорить буду.

Сергей опустил в кресло – оно удобно обтекло фигуру, словно приняло его в свои объятия.

– Не знаю, с чего и начинать, – замялся Сергей.

– А с того и начинай, что тебя беспокоит, – предложила гадалка, – ты ведь за этим сюда пришел, верно?

– Верно, – согласился Сергей. Он вздохнул, сцепил пальцы рук и начал: – Дело в том, что меня мучают сны... точнее, один и тот же сон. Вот уже три месяца, почти каждую ночь...

– А раньше такое было? – мягко перебила его гадалка вопросом. Сергей запнулся, задумался, потом рассказал матушке Евфросинье то же самое, что и Феликсу. – Дай мне руку, – велела гадалка. Сергей протянул ей руку. Ладонь гадалки оказалась неожиданно мягкой и теплой. Гадалка обхватила второй ладонью хрустальный шар на деревянной подставке и требовательно сказала:

– Рассказывай медленно, не торопясь, и обязательно вспоминай сон, во всех подробностях вспоминай!

Глава 4

Ольга быстро нашла нужный дом в одном из сретенских переулков, еще сохранявший патину патриархальности среди развернувшегося в последние годы новостроя. Сидящий на входе охранник, здоровенный молодой парень лет двадцати, пролистал паспорт и сопроводил Ольгу долгим восхищенным взглядом. Пустячок, а приятно – особенно когда тебе уже за тридцать! Ольга поднялась на третий этаж и позвонила в нужную дверь... Короче говоря, она проделала тот же путь, что и Сергей.

– Извините, но вам придется немного подождать, – предупредила секретарша, выписывая приходный кассовый ордер, – матушка Евфросинья еще не закончила с предыдущим клиентом – видимо, сложный случай.

«Клиент», «сложный случай»! Ольга едва удержалась от смеха, так не вязалась терминология секретарши и обстановка приемной со средневековым словом «гадалка». Она уселась в одно из двух мягких кресел и оглядела приемную.

Как говорится, простенько, но со вкусом. Ничего лишнего, чисто, новый ковролин на полу, итальянская офисная мебель, да и кресла удобные, хотя и покрыты кожзаменителем. Кондиционер, в углу музыкальный центр, из которого еле слышно струилась музыка Морриконе. Только ведущая в кабинет гадалки тяжелая дверь темного дуба контрастировала с обстановкой и притягивала к себе взгляд. Словно дверь в иной мир.

* * *

Сергей закончил рассказ. Гадалка отпустила его руку и убрала ладонь с хрустального шара, взяла колоду карт и сказала неожиданно глубоким грудным голосом:

– Сейчас посмотрим, сынок, что тебе предстоит... посмотрим.

Сергей взглянул ей в лицо и поразился произошедшей метаморфозе. Морщины разгладились, лицо гадалки лучилось необыкновенной внутренней энергией – как будто вдруг сбросила она лет тридцать. И голос – куда только делось старческое дребезжание?!

Матушка Евфросинья перетасовала карты так, как тасуют профессиональные карточные игроки, и быстро разметала колоду по столу крест-накрест. Подняла и внимательно посмотрела на карты, легшие в перекрестье, медленно их перебирая. Затем сказала:

– Все будет хорошо, сынок, все будет хорошо. Хранит тебя твой ангел, как и раньше хранил. Верь в себя, уверенность эта тебе свыше дана. Помолись своему святому, дабы не покинула тебя уверенность в трудную минуту, – и все будет хорошо!

– А когда будет эта трудная минута? – спросил Сергей. – И как насчет сна? Сколько он мне еще сниться будет?

Гадалка снова раскинула колоду и ответила, немного помедлив:

– Очень скоро все закончится, к Преображению.

Сергей был не силен в знании церковных праздников, поэтому спросил:

– А когда это?

– А в храм пойдешь своему святому помолиться, там и узнаешь, – отозвалась гадалка, – там батюшка все скажет. А теперь иди, сынок. Я тебе все сказала.

Гадалка обессиленно склонила голову, показав аккуратный пробор, разделяющий гладко убранные, седые до желтизны волосы. А когда подняла голову, Сергей удивился столь же внезапной обратной метаморфозе: морщины снова глубоко изрезали лицо гадалки, выцветшие глаза устало смотрели перед собой, ничего не видя.

– Ступай, сынок, ступай, – тихо проскрипела она, – с богом.

* * *

Дубовая дверь наконец отворилась, и из кабинета вышел мужчина. Ольга скользнула по нему взглядом. Лет сорока, короткая стрижка, виски серебрятся сединой, в уголках рта залегли складки. Он, мрачно глядя перед собой, прошествовал к дверям тяжелой походкой и вышел, не сказав ни слова на прощание. Секретарша бросила Ольге, не отрываясь от монитора:

– Идите, матушка ждет.

За Ольгой закрылась тяжелая дубовая дверь. Атмосферу офиса средней руки сменил полумрак обители мистиков. Потолок огромной комнаты едва различался в призрачном свете скрытых светильников, силуэты громоздких шкафов с книгами и неясно различимыми предметами тянулись вдоль стен, а в противоположной от двери стене зияла черная пасть камина. Единственное яркое пятно создавала настольная лампа с матерчатым красным абажуром, стоявшая на массивном резном письменном столе.

– Иди сюда, дочка, – раздался скрипучий старушечий голос, – садись в кресло да рассказывай, что у тебя приключилось.

Ольга опустилась в огромное кожаное кресло, мягко обхватившее ее. Кожа обивки была настоящая, великолепной выделки, мягкая и шелковистая. Ольга с любопытством посмотрела на гадалку. Та была очень стара: изборожденное морщинистыми складками лицо, выцветшие глаза, полускрытые набрякшими веками. «Колоритный типаж», – подумала Ольга. Гадалка взглянула на Ольгу и проскрипела:

– Рассказывай, девонька, раз пришла. А я уж потом скажу тебе, что ты услышать хочешь.

Ольга нервно сцепила пальцы рук:

– Видите ли... я... просто не знаю, что делать. Я замужем, мой муж – заботливый и любящий человек, преуспевающий бизнесмен. Но так получилось, что я полюбила другого. Он работает в фирме моего мужа, он его заместитель. Мы встречаемся, наша связь пока является тайной для мужа, но он неглупый человек, и рано или поздно все неизбежно откроется. Но уйти сама от мужа я не могу. Да он и не отпустит меня, понимаете? А если и отпустит, то не простит. А Костю он просто похоронит! Не даст ему нигде работать, не даст развернуть собственное дело. Мой муж очень влиятельный человек. И... я не знаю, что предпринять. Что мне делать? Когда все это закончится и как? Вы можете мне сказать?

– Дай руку, доченька, – сказала гадалка. Ольга протянула руку. Гадалка обхватила пальцами Ольгину ладонь, другую руку положила на хрустальный шар. – Рассказывай, девонька, о своем муже, – сказала гадалка, – и о соколе своем ясном тоже. И думай о них, вспоминай их, вспоминай!

– Борис хороший, но педантичный и строгий, иногда просто зануда. А Костя замечательный, очень обходительный, всегда угадывает мои желания...

Ольга рассказывала и не отрываясь смотрела на шар. Шар переливался яркими брызгами света, рождавшимися где-то в его глубине. Лежащая на шаре рука гадалки неуловимо изменилась: исчезли бугристые узлы вен, разгладилась сморщенная кожа, даже обломанные желтые ногти выровнялись и порозовели. Изумленная Ольга посмотрела в лицо гадалке и чуть не вскрикнула: морщины исчезли и с лица, огромные черные глаза внимательно смотрели на Ольгу из-под взметнувшихся соболями бровей. Гадалка отпустила руку Ольги и сказала глубоким грудным голосом:

– Сейчас посмотрим, девонька, что тебя ожидает. Что определено, то сбудется, а что не определено, то можно исправить. Посмотрим, к чему тебя судьба ведет.

Гадалка ловко перетасовала колоду карт и раскидала их крест-накрест. Ольга с интересом наблюдала за ее манипуляциями. Гадалка взяла лежащие в перекрестье рубашками вверх карты и перевернула. Самой нижней оказался червовый король. Гадалка отбросила короля

– под ним оказался червовый валет. Гадалка отбросила валета – открылась червовая дама. Гадалка чуть помедлила и сняла даму. Под дамой лежал трефовый туз. Гадалка на мгновение задумалась, затем собрала колоду и дважды ее разложила. Закрыла глаза и сказала:

– На Ермила и Стратоника определено всему закончиться. Недолго осталось, девонька, недолго.

– А что определено? – спросила Ольга.

– Смерть. Подходящий день для смерти будет. Суждено непременно одному из вас умереть в тот день.

– Кто? Кому? – прошептала Ольга.

– А сие не определено, – как сложится, так и сбудется. Один из вас троих точно умрет, а про остальных не вижу – не определено. Ты не отчаивайся, дочка, все может и к лучшему обернуться! Делай, как совесть велит, и ни о чем не пожалеешь. Истинно говорю тебе – на Ермила все решится. А теперь ступай, все я тебе сказала-рассказала. Ступай, девонька, ступай.

Гадалка устало закрыла лицо руками. Ольга потрясенно смотрела перед собой, ничего не видя. Когда она пришла в себя, то заметила: руки гадалки снова стали морщинистыми и узловатыми. Матушка Евфросинья откинулась на высокую спинку стула, обессиленно положила руки на подлокотники. Ольга увидела, что изменения коснулись и лица, снова превратившегося в сморщенную маску.

– Ступай, доченька, ступай, – еле слышно проскрипела старуха. Ольга с трудом поднялась из кресла, – ноги были словно чугунные, – и медленно пошла к двери. У двери она вспомнила, что хотела еще спросить; оглянулась было, но в глаза снова бросилась черная пасть камина, и Ольга поторопилась выйти из кабинета.

* * *

В кресле для посетителей вальяжно расположился высокий парень лет двадцати пяти. Ольга невольно задержала на нем взгляд: светлые волосы пострижены «платформой», под майкой рельефно обрисовывались накачанные мышцы. Но не простой «качок» – видимо, грамотно занимался бодибилдингом. Он, в свою очередь, оценивающе посмотрел на Ольгу. Та машинально поправила прическу и обратилась к секретарше:

– А вы не можете сказать, что за день такой «Стратоник»?

– Минуточку, – отозвалась та. Пощелкала мышкой и ответила: – День памяти мучеников Ермила и Стратоника, ближайший 26 января следующего года.

– Спасибо, до свидания.

И Ольга своей коронной походкой проследовала к выходу, чувствуя на себе взгляд парня. Ей сделалось чертовски приятно от этого взгляда. Не так, как от взгляда охранника, – то было просто приятно.

* * *

Андрей пришел на двадцать минут раньше назначенного срока. Не потому, что боялся опоздать. Он никогда не следил за временем и не носил часов. Не потому, что чувствовал время, – он часто опаздывал на встречи или приходил чуть ли не на час раньше условленного времени. Просто он был такой человек. Так что двадцать минут в его жизненном графике являлись вполне допустимой флуктуацией.

Он развалился в широком удобном кресле и заигрывал с секретаршей – не оттого, что имел какие-то виды на нее, а просто чтобы не утратить навык. И тут появилась она.

Это была богиня. В каждом движении, в походке, в голосе – во всем проявлялось божественное очарование. Андрей был покорен. От него не укрылся мимолетный взгляд, брошенный на него богиней.

– Матушка Евфросинья вас ждет, – сказала секретарша.

Андрей поднялся с кресла и ответил:

– Пожалуй... я перенесу нашу встречу. Я тут вспомнил... э-э, короче, я перезвоню на неделе, и вы меня запишете. Идет?

– Как хотите! – поджала губы секретарша. Она все поняла и обиделась.

Андрей выскочил на лестницу и побежал по ступенькам. Он всегда действовал, повинаясь инстинкту, у него не бывало длительно обдумываемых решений. Ему понравилась женщина, и он захотел ее догнать; он уже забыл, зачем приходил к гадалке, это стало несущественным. Догнать, догнать! Остановить, заговорить, услышать чарующий голос...

Андрей выскочил из подъезда и чуть не сбил с ног ту, за которой бежал сломя голову.

* * *

Выйдя из подъезда, Ольга остановилась и стала рыться в сумочке: искала сигареты. Вспомнила парня и улыбнулась. Да, с ним можно было бы славно оттянуться на курорте. Такие внешние данные! Все бабы обзавидуются!

Хлопнула дверь подъезда, кто-то слегка толкнул ее в спину.

– Ой, тысяча извинений!

Это был он. Ольга нарочито медленно подняла глаза.

– Вы уже побеседовали с гадалкой?

– Нет, решил отложить на завтра! – улыбнулся парень.

– А вдруг она должна была вам нагадать, что до завтра вы не доживете? Тогда будет обидно за бесцельно прожитый последний день! – мрачно пошутила Ольга.

– Я не доживу до завтра, если немедленно не узнаю вашего имени! – пообещал парень. Ольга засмеялась, достала записную книжку, записала свое имя, номер телефона, вырвала листок и протянула парню.

– Только звоните с девяти утра и до шести вечера, – предупредила она, – в это время мужа обычно нет дома. А к гадалке сходите – деньги вы уже заплатили, мало ли что... Не следует откладывать, раз уж решились. До встречи!

Парень посмотрел вслед удаляющейся Ольге и прокричал:

– Меня Андреем зовут!

Ольга обернулась: улыбнувшись, помахала рукой на прощание и скрылась за углом.

* * *

– Ты, сынок, рассказывай, о чем мечтаешь, чего желаешь, – сказала гадалка, мягко обхватив ладонь Андрея, – а я уж смотреть буду, что увижу – то и скажу.

– Я хочу стать знаменитым, – не задумываясь, ответил Андрей, – хочу вызывать интерес не только у женщин, и не только как мужчина, но как образец совершенства, понимаете? Ну не знаю, как это точно сказать... чтобы я был в определенном смысле идеалом, недостижимым идеалом, понимаете?

– Понимаю, сынок, понимаю, – откликнулась гадалка, отпуская руку Андрея. Но он не заметил этого, он был погружен в мир своих мыслей, чувств, мечтаний.

– Вот потому я и хочу стать фотомodelью, великой фотомodelью, чтобы журналы печатали меня на обложках! – продолжал Андрей. Тем временем гадалка раскинула карты и сказала:

– Все это сбудется сынок, обязательно сбудется, – это определено. А что определено, то сбудется непременно.

– О-о! – обрадовался Андрей. – И когда, как скоро?

– Сейчас увижу, сынок, когда, – ответила гадалка, раскидывая карты. Разложив колоду, минуту изучала легшие в перекрестье карты, потом снова разложила и наконец объявила: – Несколько раз будет тебе дано, сынок, воплотить то, что мечтаешь. На Воздвижение будет дан тебе первый раз, а коли им воспользуешься, то на Покрова все сбудется. Истинно говорю. Иди, сынок, да помни: что определено, то определено, да вот дороги к тому мы сами выбираем. Ступай с богом.

– Спасибо, матушка! – обрадованно воскликнул Андрей, поднимаясь из кресла. – Как разбогатею, так по-царски отплачу, ей-богу!

– Ох, сынок, не божись попусту, – отмахнулась гадалка, – да кляत्व, что исполнить не сможешь, не давай.

– Обижаете, матушка! – развел руками Андрей. – Как это: я и вдруг не исполню! Я про свои обещания помню.

– Ступай, сынок, ступай! – отозвалась гадалка. – Мне виднее: кто исполнит обещание, а кто нет... Ступай, устала я.

Андрей бодро вышел из кабинета, послал воздушный поцелуй секретарше и пожелал ей всех благ. В ответ получил холодное, но с намеком «до свидания».

Андрей вышел из подъезда, закурил. Стояла прекрасная теплая погода. Зной уже спал, и август дарил Москве спокойное наслаждение уходящим летом – пока, впрочем, и не думавшим прощаться. Андрей думал о том, что скоро все сбудется: завтра он позвонит прекрасной женщине, и этот день – самый счастливый в его жизни!

Глава 5

Андрей позвонил Ольге на следующий день без десяти девять – разумеется, он забыл, что звонить надо после девяти. Точнее, для него, в сущности, не было разницы между десятью минутами десятого и без десяти девять, – временные отрезки протяженностью менее часа в жизни Андрея просто не существовали. Ольга сразу поняла это странное свойство его характера и не стала на нем акцентироваться: в конце концов, Андрей интересовал ее как мужчина, а не как хронометр! Хорошо хоть, что Борис сегодня ушел раньше, чем обычно.

Андрей подарил ей пышный букет роз и повел ее в дорогой ресторан. А когда она раскрыла меню, сказал, смущенно улыбаясь:

– Что-то я не рассчитал. По-моему, этого не хватит.

И положил на стол несколько смятых бумажек. Двести пятьдесят рублей! Ольга негодуя вскинула глаза, убийственная резкость была готова сорваться с ее губ. Но, увидев ясный взор невинных голубых омутов, вдруг поняла: это не издевательство. Он не альфонс. И даже не клинический идиот. Он действительно не рассчитал, купив самый роскошный букет в безумно дорогом цветочном магазине. Потому что т а к о й Женщине он не мог подарить других цветов. Только самые дорогие, из самого дорогого магазина в самом дорогом городе.

Ольга поняла это, усмехнулась краешками губ и заказала мгновенно заledenевшему от возмущения официанту чашку капучино. Одну. На две чашки денег Андрея не хватало. А как сказал один мудрый грузин: «кто девушку танцует, тот ее и ужинает». Хотя нет, наоборот. Ну неважно...

Ольга неторопливо пила кофе, а Андрей курил и смотрел на нее. Молча. Просто смотрел из-под пушистых ресниц. А Ольга пила кофе и чувствовала, что тонет в этих омутах, как влечет ее водоворот и как кружится от этого голова. И ей это нравилось.

Ольга допила кофе и наклонила в сторону Андрея пустую чашку с осевшей на стенках густой светлой пенкой.

– Кофе кончился. Что дальше?

– Отличное шампанское! – с готовностью отозвался Андрей. – Но – у меня дома!

– Ты поразительный наглец! – с интересом отметила Ольга.

– Ну вот! – развел руками Андрей. – Ты уже обиделась! Теперь я просто обязан искупить свою вину.

Он встал. Ольга просто не могла возразить. Проходя мимо официанта, Андрей небрежно кивнул и сказал:

– Сдачи не надо.

Официант посмотрел на него как на говорящего верблюда и промолчал. На улице Андрей поймал проезжавшую машину, назвал адрес. Ольга иронически посмотрела на него и поинтересовалась:

– А кто будет платить?

Андрей, спохватившись, достал портмоне, вывернул его наизнанку, но обнаружил только проездной метрополитена на две поездки. Водитель резко тормознул и с подозрением наблюдал за его манипуляциями. Андрей со вздохом спрятал портмоне, снял с шеи золотую цепочку с крестиком и протянул водителю:

– Вот, вполне хватит! Червонное золото!

– А ну вылезай! – с ненавистью ответил водитель. – Золотопромышленник, блин!

Ольга дотронулась до плеча водителя, протягивая ему двадцать долларов:

– Не обращайтесь внимания, он просто шутит!

– Шутник, блин! – проворчал водитель, спрятав купюру в карман и трогая с места. Андрей обернулся к Ольге, развел руками и засмеялся.

- Я не нарочно, – сказал он.
- Я знаю, – ответила Ольга.

* * *

Андрей жил на последнем этаже «хрущевки» в районе Академической. Квартира полностью соответствовала обшарпанному подъезду: выцветшие обои, облупившаяся на окнах краска, потертая мебель времен расцвета застоя и вид из окна на ТЭЦ.

– Н-да, хоромы, – иронически прокомментировала Ольга.

– Зато своя, личная, – похвастался Андрей. Он сразу побежал на кухню, выгреб из холодильника кучу всевозможных нарезок и деловито загремел посудой. – Я сейчас, мигом, – прокричал он с кухни, – а ты пока располагайся!

Ольга с опаской села в продавленное скрипучее кресло. Андрей действительно управился минут за пять: притащил поднос с легкой закуской и водрузил на исцарапанный полированный стол бутылку итальянского шампанского «Mondoro» – насколько дорогого, настолько и дрянного. А вот бокалы были хорошие: чешского стекла, с золочеными ободками.

Андрей задернул занавески, скрыв унылый индустриальный пейзаж, зажег свечи в старинном медном канделябре и попутно включил магнитоу. Ненавязчиво забормотал Крис Ри, и наконец стало действительно уютно.

Андрей ловко и почти беззвучно открыл бутылку итальянской винной газировки, разлил ее по бокалам. Поднял свой бокал, прищурившись, посмотрел на всплывающие пузырьки.

– За нашу волшебную встречу, – сказал он.

– А почему волшебную? – подняла бровь Ольга.

– Только в сказке можно встретить такую восхитительную женщину, – пояснил Андрей, – тем более, в приемной у гадалки... Согласись, что это символично!

– А когда мы перешли на «ты»? – поинтересовалась Ольга.

Андрей пожал плечами и широко улыбнулся своей неподражаемой детской улыбкой:

– Не помню, но давно. Впрочем, ничто не мешает выпить на брудершафт!

Они выпили на брудершафт.

– А поцеловать, в щечку? – напомнил Андрей.

Ольга едва коснулась губами сначала одной щеки Андрея, затем другой. Андрей поцеловал ее не в щеку, она почувствовала едва уловимое прикосновение его горячих губ к мочке уха, уловила нетерпеливое движение языка – и все, только одно мгновение! В следующее мгновение Андрей уже разливал вино по бокалам:

– За то, чтобы все было хорошо!

– А ты уверен, что все будет хорошо? – спросила Ольга. – Тебе это предсказала гадалка?

– Безусловно! – заявил Андрей. Он подошел к магнитоле, принялся нажимать кнопки. – Гадалка предсказала мне исполнение желаний, – пока все идет согласно предсказанному!

Из магнитолы полилась солнечная мелодия «Жозефины». Андрей протянул руку Ольге:

– Позвольте вас пригласить на танец!

– Я не танцую, – пококетничала Ольга. Но Андрей мягко выдернул ее из-за стола:

– Здесь танцуют все!

Она почувствовала его руки у себя на талии. Потом его ладони плавно переместились вдоль ее спины к плечам, затем обратно. Эти движения порождали в Ольге странные волны тепла. Волны входили в резонанс с неторопливым ритмом «Жозефины» и равномерно били по нервам, словно молоточки по струнам фортепиано. Лицо Андрея было совсем рядом, он изучающе смотрел на Ольгу, он видел все, что происходило с ней. Вот он коснулся губами ее щеки. Она почувствовала, как он жадно вдыхает запах ее волос. Когда его язык коснулся ее губ, она уже была не в силах сдерживать себя и жадно откликнулась на его поцелуй.

Она даже не поняла, как они оказались на диване. Он аккуратно снял с нее чулки и взял в руки ее ногу. Ольга почувствовала прикосновение его языка к ступне: он медленно и горячо целовал ее пальцы ног, продвигаясь выше и выше. От ступней толчками поднималось приятное возбуждение, и Ольга начала задыхаться в этих накачивающихся волнах. Она извивалась всем телом, не в силах более сдерживаться. И когда он наконец вошел в нее, она испытала неописуемое облегчение и первобытный восторг, затопивший ее от кончиков ногтей до кончиков волос. Такого она не испытывала никогда.

Ей уже было все равно, что он делает с ней. Она стала его рабыней, повинувшись велению всеохватной страсти.

* * *

Потом он сварил ей кофе и принес в постель. Именно сварил: настоящий, ароматный, тонко смолотый на ручной мельнице, – поскольку не было слышно пронзительного воя электрокофемолки, – а не растворимую гадость, которой так любил потчевать ее Константин. Ольга лежала и смотрела, как он разливает по чашкам дымящийся напиток из керамической турки. Кофе был с медом – «по-венски». Сделав глоток, Ольга почувствовала странный коньячный привкус и спросила:

– Ты что, бренди туда добавил?

– Нет, это от меда, – пояснил Андрей, – мед такой особенный, каштановый. Я его из Красной Поляны в прошлом году привез. Кончается уже. Ну да ничего! Я скоро снова в Сочи поеду и привезу. Кстати, давай поедем вместе, а?

– Я подумаю, – пообещала Ольга.

– А чего тут думать? – удивился Андрей. – Собрались да поехали! Билеты, правда, взять тяжело – особенно обратные. Ну да я обратные никогда не беру. И вообще, всегда с проводниками договориться можно.

«И вправду, может, в Сочи съездить для разнообразия?» – подумала Ольга. Она никогда там не была. В детстве родители все время возили ее в Пицунду. Потом Пицунда усилиями доморожденных «демократов» превратилась в территорию войны. Когда Ольга вышла замуж за Бориса, она стала ездить в Испанию, на Кипр, в Грецию. А в Сочи так и не побывала.

– Билеты ерунда, – сказала Ольга, – муж достанет на любое число, хоть на завтра.

– И для меня тоже? – иронически поинтересовался Андрей.

– Можешь самолетом полететь, – предложила Ольга, – с этим, по-моему, проблем нет.

– Проблемы есть с деньгами, – усмехнулся Андрей.

– Я тебе одолжу, – предложила Ольга.

Андрей насупился, посмотрел ей в глаза.

– Ты понимаешь, что я не знаю, когда отдам? Нет, это неудобно!

– А я не хочу киснуть на курорте одна, отшивая местных и заезжих бабников. Или ты предлагаешь мне взять кого-нибудь из подруг-зануд, которые осточертели мне здесь, в Москве? Нет уж, бери! – решительно сказала Ольга. Она взяла из кресла сумочку, достала оттуда двести долларов и протянула Андрею. – Отдашь, когда сможешь!

Андрей испытующе посмотрел на нее, потом улыбнулся и взял деньги.

– Спасибо. Ни у кого другого не взял бы, а у тебя... Я знаю, ты от чистого сердца! Давай рванем прямо на днях, ладно? Скажем, послезавтра! Давай?

– Давай! – согласилась Ольга. Она даже не подумала о том, что вряд ли успеет собраться. Если бы Андрей предложил ехать немедленно, она бы тоже согласилась. И не только в Сочи, а даже на Северный полюс.

* * *

Вечером Ольга сказала Борису, что хочет съездить в Сочи. Муж удивленно поднял бровь, но ничего не сказал. Он обзвонил знакомых и нашел одного, недавно ездившего в Адлер по делам. Тот посоветовал остановиться в частной гостинице: уровень комфорта нормальный, соответствует привычным зарубежным «апартаментам», зато нет суеты больших отелей. Борис договорился насчет билета, затем заказал номер по телефону.

– Дорогая, – сказал он, – я заказал апартаменты. Думаю, что это лучший вариант. Билет на поезд в купе – так безопаснее, а то в СВ неизвестно кто окажется попутчиком. Конечно, лучше бы ты летела самолетом, но раз не хочешь... Если не понравится, позвони, я договорюсь насчет номера в «Лазурной» – я там останавливался прошлой осенью, очень неплохо. Да, обязательно возьми с собой наличные, они наверняка понадобятся в дороге, на такси, да мало ли...

Ольга поцеловала его в щеку.

– Дорогой, ты прелесть! Я буду без тебя скучать, обещаю.

– А я обещаю не надоедать тебе звонками, – улыбнулся Борис, глядя ее по волосам.

Глава 6

– Зуб разболелся, сука! Всего-то несколько штук своих осталось. Последний раз мне дантист хитрый мост соорудил. Говорил, дальше – только съемная челюсть.

– Особая примета, – машинально ответил Сергей. Пафнутий, мрачно гладивший припухшую щеку, недоуменно покосился на него и спросил:

– В смысле?

– Ну к примеру – ты загнулся, а лет через десять тебя откопали... или по пьяни квартиру спалил и сам сгорел. Как опознать? Самое надежное – по зубам!

– Тьфу! – плюнул Пафнутий. – Типун тебе на язык. Чего это на тебя нашло вдруг? Надо же такое сказать!

Сергей хотел рассказать про сон и начал:

– Я сегодня опять сон видел...

В этот момент машину качнуло. На ногу навалился инкассаторский мешок с угловатыми от пачек купюр боками. Сергей почувствовал легкое головокружение: он уже переживал это, он знал это ощущение. Дежавю? Нет... Сергей расстегнул кобуру и достал пистолет. Надо было потянуть специальный кожаный шнурок – идиотская система! Сергей снял оружие с предохранителя, передернул затвор, снова поставил на предохранитель и засунул пистолет за пояс. Это уже было с ним: тесная полутемная покачивающаяся кабина броневика, рубчатая рукоять засунутого за пояс пистолета и мешок с деньгами.

И еще: явственное и растущее с каждой минутой чувство опасности.

Из оцепенения его вывел лязг затвора и ругань Пафнутия. Сергей посмотрел в его сторону и спросил:

– Ты чего?

– Это ты – чего? – отозвался Пафнутий. – Я смотрю: ты патрон дослал и пушку за пояс сунул. А у меня рефлекс еще с Афгана – делай как я. Ну я машинально затвор передернул... а патрон уже в стволе был. Патрон, сука, – выскочил и закатился... Да хрен с ним, пора уже!

И действительно, броневик заложил крутой поворот и остановился. Сергей привстал, и сердце вдруг забилось быстро и часто. Повинуясь необъяснимому чувству тревоги, он вытащил пистолет и снял его с предохранителя. Затем откатил дверцу и вышел из машины. Огляделся – вокруг никого, вроде спокойно, а он запсиховал. Все этот идиотский сон!

* * *

Следующий день проходил в хлопотах. Ольга вдруг обнаружила, что ей уже не нравится купальник, который она купила зимой в Бали. Потратив полдня на походы по бутикам и притащив домой кучу коробок и пакетов, Ольга вдруг вспомнила, что забыла заехать в банк за деньгами. Да, в нашей стране кредитные карты еще пока не годятся на все случаи жизни! Особенно когда на каждом шагу приходится кого-нибудь «подмазывать». А с банкоматами вообще полный караул! Ближайший от дома банкомат находился в банке. Ольга поехала туда на машине, благо удобно, а в переулках движения никакого. Припарковала машину на стоянке.

К подъезду подкатил броневик. Из кабины вышел инкассатор. Его лицо показалось Ольге знакомым. А он равнодушно посмотрел мимо: значит, нет смысла вспоминать. Мало ли где она могла его видеть!

* * *

Точно, идиотский сон держит его в напряжении! Когда все должно закончиться? Священник сказал, что праздник Преображения Господня в это воскресенье. А сон стал сниться чуть не каждую ночь! Что там гадалка говорила? Впрочем, все эти гадания – чушь собачья!

Мимо прошла женщина, на ходу расстегивая сумку. Сергей было напрягся, но в следующий момент увидел, что она достает кредитку, и отвернулся. На мгновение ему показалось, что он где-то видел незнакомку, но он не стал отвлекаться и снова смотреть на нее. Это все нервы, дежавю, постафганский синдром... Феликс в два счета объяснил бы!

Сергей усмехнулся, повернулся к броневику и взял мешок с деньгами. И тут вдруг почувствовал за спиной движение. Он резко обернулся и увидел двух бегущих от ворот парней с длинноствольными пистолетами в руках. Бегущий впереди начал поднимать руку с пистолетом, целясь в него, в Сергея. Прежде чем мозг успел осмыслить этот факт, правая рука с пистолетом пошла навстречу. Дуэль продолжительностью в сотые доли секунды. Когда палец давил на спусковой крючок, подсознание вдруг вмешалось: «Левее, да нет же – левее! Ты ведь знаешь, ты должен помнить!» Повинуясь подсознанию, тело Сергея чуть сдвинулось назад, перенеся центр тяжести на левую ногу. За тысячную долю секунды, когда ударник уже мчался навстречу капсюлю, ствол «ижака» чуть-чуть повернулся влево.

Парень вдруг споткнулся и рухнул на асфальт. Он так и не успел выстрелить. Зато успел второй. Пуля пролетела слева от Сергея и чпокнула где-то внутри кузова. Следующего выстрела сделать ему было не дано: пуля Сергея вошла ему точно в левый глаз.

Сергей отскочил за кузов броневика и осмотрелся.

– Пафнутий! – позвал он. – Как ты там?

– Порядок! – отозвался из кузова Пафнутий.

– Я проверю за воротами, прикрой меня! – распорядился Сергей и выскочил на улицу. Он пробежал вдоль ограды и увидел в переулке то, что, в принципе, и ожидал: старую синюю «копейку». Он посмотрел налево, вдоль переулочка, ожидая увидеть приближающуюся девичью фигурку. И увидел. Это была его дочь. А вот этого он не ожидал!

Сергея качнуло, он привалился к «копейке», чувствуя, как его оставляют силы.

– Папа? – удивилась Анька, увидев бледного отца, опирающегося о кузов чужой машины. – Что с тобой? Что ты здесь делаешь?

– А ты что здесь делаешь? – спросил Сергей.

– Мама послала за квартирой заплатить, – объяснила дочь.

– Нашла время, дура! – в сердцах выругался Сергей и сказал изумленной дочери: – Иди домой, Аннушка! Иди, я сам заплачу. Давай сюда книжку.

Он долго смотрел вслед уходящей дочери, пока его не тронул за плечо Пафнутий.

– Ну ты дал, командир! – уважительно сказал он. – Обоих наповал! Первый даже выстрелить не успел, а вот второй... слушай, мне пуля чуть башку не снесла! Хорошо, что я ждал, пока ты мешок заберешь. А начни я вылезать, пуля точно в лоб попала бы! Ну и реакция у тебя! Слушай, а что ты пистолет-то заранее приготовил? Интуиция, что ли?

– Ага! – улыбнулся Сергей. – Кстати, вот на этой машине они и приехали.

– Откуда знаешь? – спросил Пафнутий.

– Не веришь? С правой стороны в салоне на полу где-то должен быть патрон. Посмотри!

Пафнутий нерешительно открыл дверцу, пошарил в салоне и вылез с изумленным видом. В руках он держал патрон от пистолета.

– Ну знаешь! – развел он руками. – Только ментам об этом не говори: подумают, что ты в сговоре с этими парнями был. Ну и интуиция у тебя!

– Какая там интуиция! – отмахнулся Сергей. – Скорее наваждение!

Вот только кого должно было спасти это наваждение: Сергея, Пафнутия или Аннушку? А может быть, безвестного Вову, зря пригнавшего тачку с шампанским к необитаемой даче? Или деньги Сбербанка?

Сего знать ему не дано.

* * *

Ольга даже не успела испугаться. Услышала выстрелы за спиной, но подумала, что это мальчишки взрывают петарды. А когда раздались крики и она обернулась, то все уже было кончено. На асфальте неподвижно лежали два тела, у ворот стояли инкассаторы с пистолетами в руках, охранники банка оживленно переговаривались по радиотелефонам. Стоявший рядом с Ольгой мужчина повернулся к ней и восхищенно сказал:

– Нет, вы заметили, какой точный выстрел? Прямо в лоб! Одному, другому... И все за доли секунды! Профессионал!

«Ненормальный какой-то!» – неприязненно подумала Ольга, вскользь оглядывая незнакомца. Среднего роста, в неброском сером костюме, пыльного цвета волосы, дымчатые очки – он напоминал небрежно набросанную твердым карандашом фигуру, которую безуспешно пытались стереть ластиком.

– Это ужасно! – вырвалось у Ольги. Она увидела вытекшую из-под трупа лужу крови и вдруг осознала, что произошло. Кровь выглядела страшно, совсем не так, как в выпуске новостей или телевизионном боевике. Ноги ослабели, словно стали ватными, в голове зазвенело. Ольга пошатнулась и, наверное, упала бы, если бы незнакомец не поддержал ее за руку. От прикосновения прохладной твердой ладони она вдруг сразу пришла в себя и отстранилась.

– С вами все в порядке? – осведомился мужчина, сняв очки.

– Да, спасибо, – ответила Ольга. Их глаза на мгновение встретились, и Ольга испытала какое-то странное ощущение: что-то вроде мгновенного ужаса, как будто во сне летишь в пропасть. Незнакомец снова спрятал глаза за дымчатыми стеклами и зашагал прочь. Ощущение ужаса исчезло так же внезапно, как и появилось. «Нервы, это все нервы!» – подумала Ольга. Действительно, ей необходимо сменить обстановку.

* * *

Ольга вернулась домой совершенно измученная. Вечером она рассказала Борису о происшествии возле банка.

– Черт знает что! – нахмурился тот. – Уже из дома выйти опасно. Дорогая, я настаиваю, чтобы ты обзавелась телохранителем! Я найду тебе женщину, чтобы ты не чувствовала себя неуютно, – сейчас готовят прекрасных телохранителей-женщин.

– Этого еще не хватало! – возмутилась Ольга. – Ходить под конвоем? Ну уж нет! Тогда я вообще не выйду на улицу.

Борис вздохнул, но не стал спорить. Он знал: если Ольга что-то решила, то переубеждать ее бесполезно.

* * *

Борис сам проводил Ольгу на вокзал. Поезд отправлялся в восемь утра, но муж сказал, что он быстрее и комфортабельнее всех остальных. Борис сам занес вещи в купе и разместил их под сиденьем. В купе ехала семья: муж, жена и девочка лет восьми – такое соседство несколько

успокоило Бориса. Он взял клятву с Ольги не отходить от поезда на остановках и не ходить в вагон-ресторан – обед можно заказать в купе, а в холодильнике у проводника Борис уложил упаковку «Аква минерале».

Потом он стоял на платформе, курил и грустно смотрел сквозь стекло на Ольгу. А когда вагон тронулся, пошел по платформе и махал рукой, пока поезд не набрал ход.

* * *

Едва проплыла мимо платформа с забавным названием «Панки», как в купе заглянул Андрей. Весело поздоровался и, как ни в чем не бывало, уселся рядом с Ольгой.

– По-моему, кто-то должен сейчас лететь на самолете, – лукаво заметила она. Андрей посмотрел на нее и серьезно ответил:

– Зато я увидел тебя на двое суток раньше. Двое суток – весьма большой срок!

– И где ты расположился? – поинтересовалась Ольга.

– В СВ, удалось достать билет только туда, все деньги за него выложил, – ответил Андрей и похвастался: – Зато там есть телевизор!

– Ну раз телевизор, тогда и мне, пожалуй, лучше поехать в СВ! – рассмеялась Ольга.

Сто долларов, исчезнувших в кармане проводника, сделали свое дело, и через полчаса Ольга уже сидела в двухместном купе рядом с Андреем. Там действительно были телевизор и два больших овальных зеркала.

– Жаль, нет зеркала на потолке! – огорченно вздохнул Андрей.

– Ну что будем делать? – лукаво поинтересовалась Ольга, сбрасывая туфли. – Телевизор смотреть?

Вместо ответа Андрей привлек ее к себе. Его руки заскользили по ее спине, нащупывая застёжку платья.

– Ненормальный, хоть дверь защелкни! – прошептала Ольга. Так, для приличия. Ей было наплевать на дверь. Да и на все остальное тоже.

* * *

Частная гостиница в Адлере находилась рядом с курортным городком.

Море – в пяти минутах неторопливой ходьбы. Номер приятно удивил Ольгу: свежий евроремонт, отличная новая мебель, отдельный санузел и современная сплит-система. Холодильник встроен в тумбу под телевизором и не докучает назойливым шумом компрессора.

– А как у вас с питанием? – поинтересовался Андрей.

– Покушать можем сделать, – с готовностью отозвался хозяин-армянин, – завтрак, обед. Двести рублей в день. Кушать сейчас хотите?

– Нет, потом, – отказалась Ольга, и хозяин исчез. Женщина вышла на балкон, совсем небольшой – впрочем, на нем уместились столик и два стула. А еще был виден кусочек моря между новостройками двух-трехэтажных особняков, вздымавшихся над буйной зеленью плодовых деревьев, виноградников и низкорослых пальм. По другую сторону открывался великолепный вид на покрытые лесом горы и выползавшую на них белоснежную пену облаков.

– Неплохо, очень даже неплохо! – прокомментировал Андрей, обнимая Ольгу. – Надо признать, что твой муж весьма ответственно отнесся к твоему отдыху.

– Мой муж по жизни весьма ответственный человек, – строго заметила Ольга, – в отличие от некоторых!

– Зато у меня масса прочих достоинств! – с готовностью сообщил Андрей. Он подхватил ее на руки и понес к широкой двуспальной кровати, намереваясь немедленно продемонстрировать одно из упомянутых достоинств.

– Не сейчас! – запротестовала Ольга. – Мне надо принять душ! Слышишь?

– Слушаю и повинуюсь! – послушно отозвался Андрей и отпустил ее. Он отлично понимал, когда и чего она хочет.

Глава 7

Приняв душ, Ольга переделалась в легкую блузку и шорты. Андрей ограничился одними шортами. Они спустились вниз.

На уютной веранде под синим тентом стояли два столика. За одним из них трапезничали двое мужчин. Обоим было лет под пятьдесят, каждый был облачен лишь в шорты.

Колоритная парочка! Один – плешивый, с венчиком курчавых седых волос и свекольно-красной физиономией. Внушительных размеров пивной живот упирался в столик, угрожая его опрокинуть. На животе покоился золотой скорпион в натуральную величину, прикрепленный на свисающую с шеи массивную золотую цепь. И если толстяк производил в целом забавное впечатление, то второй имел без всяких преувеличений просто жуткую внешность. Всю верхнюю часть его тела покрывали ужасающие шрамы от ожогов и операций по пересадке кожи. Лицо было восстановлено пластической хирургией и напоминало застывшую маску, на которой жили лишь ярко-голубые глаза.

– Добрый день, – поздоровалась Ольга, – приятного аппетита!

– Приветствую вас, прекрасная незнакомка! – пророкотал плешивый. – И вашему спутнику привет! Сочтем за честь пригласить вас к столу.

– Спасибо, но мы только что с поезда и торопимся в ресторан, – отказалась Ольга.

– В ресторан? – поразился плешивый. – Помилуйте, да что же там делать днем? И потом, вы же не знаете, где здесь что и почему! Пообедайте здесь, а вечером мы вам покажем самые достойные местные заведения. Ара, Карик!

Из дома выглянул молодой парень.

– Карик-джан, – обратился к нему плешивый, – принеси-ка еще два обеда, пару бокалов и бутылочку фанагорийского «Мерло».

– Совершенно напрасно, – сказала Ольга, усаживаясь за столик, – мне, право, неловко...

– Это мне неловко, простите меня великодушно, – мягко прервал ее плешивый, – но, в конце концов, раз мы все равно познакомимся, так лучше это сделать раньше. Что зря время терять? Правда, Коля?

Обгорелый Коля ответил, почти не шевеля щелью губ:

– Петя абсолютно прав, вы с вашим спутником окажете нам честь.

Появился Карик, поставил на стол бутылку вина, два бокала и два овощных салата.

– Кушайте на здоровье! – пожелал он и удалился.

Плешивый Петя проворно разлил вино по бокалам и провозгласил:

– Давайте за знакомство и приятный отдых! Кстати, позвольте представиться: Петр Андроновский, портретист. А это мой друг, Николай Троф, скульптор.

– Ольга.

– Андрей.

– Ну давайте!

Вино оказалось терпким и легким на вкус – как и положено красному сухому вину.

– Так вы люди искусства, настоящие профессионалы? – спросила Ольга.

– Мы гении, отвоевавшие место среди профессионалов, – серьезно заявил Андроновский. – Эти снобы от холста и мольберта все-таки признали меня, скрипя зубами. Я просто раздвинул толпы этих жалких ремесленников, заняв судьбой предназначенный мне пьедестал. Ну а Коля осенью организует свою персональную выставку. Уверю вас, его ждет оглушительный успех!

– Да ладно тебе, – попытался прервать его Троф, но Андроновский продолжил, не обращая внимания на робкий протест друга:

– Не скромничай, твои «Три обезьяны» – просто шедевр! Впрочем, осенью вы сможете их сами увидеть. Приходите, не пожалеете! Это вам не металлические уродцы Церетели, нет! Это просто поэзия в камне!

– Он хвалит меня потому, что я не претендую на его экологическую нишу, – иронически пояснил Троф, – а будь на моем месте, скажем, Шилов, то он вряд ли ушел бы отсюда живым.

– А что Шилов? – фыркнул Андроновский. – Всю свою славу он составил тщательной прорисовкой деталей туалета. Что его портреты? По сути, раскрашенные отретушированные фотографии!

– При всем моем уважении к вам, Петр Андреевич, позволю себе не согласиться, – раздался вдруг негромкий голос. Он принадлежал человеку, сидевшему за соседним столиком. Ольга удивилась: как она раньше его не заметила, ведь она единственная из всех четверых сидела лицом и давно должна была увидеть неожиданного оппонента Андроновского.

– Позвольте, а вы кто такой? – раздраженно спросил Андроновский и сделал попытку повернуться. Столик угрожающе качнулся под натиском внушительного живота, жалобно скрипнув пластиковыми ножками по плиткам пола.

– Я ваш давний и верный поклонник, – ответил незнакомец. Ольге показалось, что она где-то уже видела этот нечеткий овал лица, пыльного цвета волосы и дымчатые очки в роговой оправе. Незнакомец тем временем снял очки и продолжал, пристально глядя на Андроновского:

– Я абсолютно уверен, что вы гениальный художник современности. Но при всем при этом нельзя оспаривать гениальности Шилова. Просто у вас разные манеры письма. Кстати, вы тоже не избегаете тщательной прорисовки деталей. Но при этом главное, что делает ваши произведения неповторимыми, – это последний мазок. Вы гений последнего мазка, мистическим образом оживляющего портрет и превращающего его в шедевр! Гениальность же Шилова в другом: он видит людей такими, как они есть, он видит все их потаенные, скрытые от остальных людей стороны. Это страшный дар: видеть – и суметь передать это на холсте! У вас же дар другого рода. Если Шилов изображает слепок ауры человека, то вы передаете импульс этой ауры. Я бы сказал так: у Шилова портрет – спектрограмма души, а у вас – импульс света, удар молнии!

Незнакомец обвел всех присутствующих взглядом, несколько виновато улыбнулся:

– Еще раз извините меня, что невольно прервал вашу беседу. Петр Андреевич, позвольте вручить вам мою визитную карточку, – с моей стороны было бы невежливо затевать с вами спор, не представившись. Еще раз прошу меня извинить!

Незнакомец встал и положил визитку на стол перед Андроновским. Тот недоуменно пожал плечами, буркнул что-то под нос и сунул визитку в задний карман шорт.

– А вот и харчо!

Ольга обернулась и увидела Карика, спешащего к столу с подносом, на котором дымились две тарелки с ароматным супом. Карик поставил тарелки перед Ольгой и Андреем. Ольга негромко обратилась к нему:

– Скажите, Карик, а этот мужчина, за тем столиком... он тоже живет здесь?

– Какой мужчина? Нет там никого! – удивился Карик. – Кушайте на здоровье!

Ольга посмотрела на соседний столик. Там действительно никого не было. Андроновский с аппетитом поедал кусочки арбуза из тарелки, Троф меланхолично потягивал вино из бокала, заедая его сочным персиком. Андрей с воодушевлением принохивался к супу.

Внезапное появление незнакомца и столь же внезапное исчезновение казались куском киноплёнки, по ошибке вклеенным в другой фильм. «Уж не показалось ли мне все это?» – подумала Ольга. Она хотела спросить Андроновского, что тот думает об услышанном, но почему-то не сделала этого.

* * *

После обеда Андрей и Ольга отдохнули, а часам к пяти вечера отправились на пляж. Это оказалось просто: пройти по улице до конца, перейти железную дорогу и спуститься по лесенке на берег, неприятно поразивший Ольгу крупной галькой и уходящими в море волноломами, разрезавшими берег на участки по пятьдесят метров.

На берегу в шезлонгах под зонтиком сидели Андроновский и Троф, пили баночное пиво с воблой: напитки, рыбу и фрукты непрерывно наперебой предлагали бродячие торговцы.

– Где вы взяли шезлонг? – спросила Ольга. Андроновский простер руку, указывая в сторону волнолома. Прямо за волноломом рядом с кучей шезлонгов и зонтов сидел скушающий парень.

– Двадцать рублей в день, – объявил Андроновский, – впрочем, сейчас можете договориться с ним за десятку.

Андрей помчался договариваться. Андроновский отхлебнул пиво из банки и спросил:

– Оленька, а вы в первый раз здесь?

– Да.

– Ну и как вам?

– Так... Камни и эти ужасные волноломы...

– Ну позволю себе с вами не согласиться, – возразил Андроновский, – песчаный пляж много хуже, поскольку избавиться от песка, забивающегося в обувь и стирающего в кровь ноги, просто невозможно! А волноломы... тут с вами не согласятся они.

И он указал на детей, радостно прыгавших в воду.

– Кстати, в щелях между плитами живет огромное количество крабов, рачков, мидий, – добавил Троф, – и весьма любопытно понырять с маской, понаблюдать жизнь обитателей моря. А подальше от берега дно песчаное, там можно увидеть скатов и морских ежей. Очень интересно!

Андрей притащил два пластиковых шезлонга. Ольга сбросила одежду, оставшись в купальнике.

– Афродита! – восхитился Андроновский. – Воистину вы рожденная из моря богиня! Я напишу ваш портрет!

– Не сейчас, – шутливо возразила Ольга и позвала Андрея: – Идем купаться!

Вода оказалась в меру теплой и прозрачной. Ольга с наслаждением отдалась нежным объятиям легких изумрудных волн. Они с Андреем проплыли за буйки и обратно. Потом прокатились вдвоем на скутере. Андрей увез ее далеко в море, и на крутом повороте они оба слетели в воду, а потом долго пытались забраться на скутер, со смехом сталкивая друг друга в воду.

А на берегу уже давно отчаянно махал руками хозяин скутера. Он встретил возвращение неаккуратных клиентов мрачным взглядом, но Андрей сунул ему еще пятьсот рублей, и тот сразу успокоился.

– Мы с Колей ходим ужинать обычно часов в восемь, – сообщил Андроновский, – как правило, в «Лагуну» или в «Русь». Из «Лагуны» чудесный вид на море, на заходящее солнце, а в «Руси» отменная готовка. Зайти за вами?

– Да, это было бы очень любезно с вашей стороны, – согласилась Ольга. Забавная парочка развлекала ее, да и местные особенности они, как завсегдатаи, знали великолепно.

* * *

Пужинали в «Руси». Ресторан размещался в довольно странном сооружении, снаружи напоминавшем декоративный замок, а изнутри – галерею в мавританском стиле. Впрочем, там было уютно, чисто, и еда действительно была неплохой, а цены – невысокими. Ужин на четверых с фанагорийскими винами и десертом едва перевалил за семьдесят долларов, что удивило Ольгу: они с Борисом при всей его страсти к разумной экономии никогда не ужинали дешевле чем за сотню на двоих.

– Э-э, дорогая, истратить деньги – штука нехитрая, – глубокомысленно заметил Андроновский, – а вот истратить их с умом, рачительно... Ну не могу я понять, чем молдавский «Совиньон» урожая девяносто седьмого года хуже французского «Совиньона» две тыщи первого года от Бартона и Гестье! А разница в цене почти втрое! А чем фанагорийское «Мерло» непонятно какого года урожая хуже молдавского «Мерло» девяносто шестого года? Я не гурман и разницы уловить не могу! Так ради чего я буду переплачивать в несколько раз за разницу, которой не улавливаю? Вот в коньяках я понимаю и никогда не возьму кубанский даже девятилетней выдержки, поскольку он в подметки не годится не то что «Хеннесси» или «Отару», но даже обычному «Московскому»! Кстати, здесь есть отличный кизлярский коньяк, – очень рекомендую к кофе по-восточному!

– Ну что ты про коньяк завелся, – попытался остановить его Троф, – дама его не пьет.

– Да пожалуйста! – воскликнул Андроновский. – Вот вам мясо «по-царски». Около четырех долларов, включая гарнир. В одном известном московском ресторане, чье преимущество заключается лишь в близости от стен Кремля, точно так же приготовленный кусок мяса стоит двадцать семь долларов. А в другом ресторане на Пятницкой меня потчуют аналогичным блюдом, – Впрочем, под другим названием, – за пять. Заметьте: на мой взгляд, приготовлены эти блюда с одинаковым качеством.

– Пообедать в «Славянском базаре» просто кайф! – возразил Андрей. – Это же классно! Как можно сравнить высококлассный ресторан с малоизвестной, недавно открытой забегаловкой?

– Ах, так дело в престиже? – иронически осведомился Андроновский. – В определенных кругах к вам отнесутся благосклонно, если вы оставите за вечер в корейском ресторане сумму, на которую можно неделю отлично ужинать в менее известном заведении. Но вот за эпатаж этой среды вас станут боготворить! Да! Я так и вошел туда, – эпатируя богемную сволочь, а теперь они мне задницу лизут, – о-о... пardon, Оленька!

– Петр, облик мужчины определяют две вещи – часы и обувь, – заметил Андрей, – эти вещи обязательно должны быть дорогими и престижными. Простите, но если положение обязывает, то...

– Это вы на меня намекаете? – иронически уточнил Андроновский. – Да, на мне отечественная обувь за сорок баксов, хотя я могу себе позволить английскую пару туфель за четыре сотни. И часы у меня, хоть и десятидолларовые «Филип Персио», зато японские и, хоть и собраны в Китае, надежные как трактор. У вас туфли итальянские, неплохие, но красная цена – долларов восемьдесят максимум. Небось за столько и купили у вьетнамцев? Кстати, и ваши часики «Тиссо», несмотря на солидный швейцарский вид, тоже явно от вьетнамцев и не дороже тех же десяти долларов, – разве нет?

– Ну знаешь! – угрожающе привстал Андрей, но Ольга наступила ему на ногу, и он мрачно проворчал, доставая из кармана «Парламент»: – Схожу на воздухе покурю!

– Извольте, а я покурю здесь – с позволения дамы! – откликнулся Андроновский, бросая на стол пачку «Русского стиля». Андрей вышел на веранду. Троф осуждающе посмотрел на Андроновского:

– Ну что ты завелся! Обидел парня, да еще в присутствии его подруги! Эх!

Троф поднялся и пошел вслед за Андреем. Ольга взглянула на мрачно сопящего Андроновского и сказала:

– А вы, оказывается, злой! И занудливый.

– Да, я зануда, – согласился Андроновский. – А ваш Андрей – просто дешевка! Разве этого вы не видите? Что вас с ним связывает? Только постель?

– А разве этого мало? – повела бровью Ольга. – Каждый ищет то, чего ему не хватает. Ладно, давайте оставим эту тему. Выпьем вина. Как оно называется? «Черный лекарь»? Пусть он излечит все наши раны!

* * *

– Да-а, нашло на Петю, – с досадой произнес Троф, – иногда он просто невыносим!

– Я ему морду набью! – мрачно пообещал Андрей.

– Ах, оставь! – махнул рукой Троф. – Неужели ты не понял, в чем дело? Петя умница, энергичный и пробивной мужик – горы сметет! Но никакие ум и энергия не помогут ему сделать так, чтобы такая женщина была рядом с ним. Все его могучие мозги и пробивные способности бесполезны там, где тебе достаточно одного взгляда. Вот так!

Андрей ухмыльнулся, но ничего не ответил. Троф немного помолчал, потом сказал:

– Я не преувеличиваю. Когда сегодня я увидел тебя выходящим из моря, то отметил, что твой тренер по бодибилдингу не зря ест свой хлеб. Великолепно вылепленное тело, абсолютное совершенство! Я хочу его увековечить.

– В смысле? – спросил Андрей. – Вы предлагаете мне стать вашим натурщиком... или что-то другое?

– Ну что за термины! – даже расстроился Троф. – Натурщик... ха! Я хочу увековечить тебя, я хочу открыть миру совершенство твоего тела! Короче, в конце осени я открываю персональную выставку и хочу именно там тебя прославить. Для этого понадобится всего несколько сеансов, и все они будут оплачены, и хорошо! Завтра я уезжаю, вот номер моего мобильного. Позвони сразу же, как окажешься в Москве. Договорились?

– Хорошо, я подумаю! – пообещал Андрей. Троф обхватил его за плечи и сказал:

– Да о чем тут думать, мальчик мой! Разве не об этом ты мечтал всю свою жизнь? Вот же оно, рядом! Тебе осталось сделать лишь один шаг к славе и известности! Разве не этого ты хотел?

– Я позвоню! – решительно пообещал Андрей.

Они вернулись в зал. Андроновский посмотрел на Андрея, кашлянул и сказал:

– Э-э, Андрей... Я погорячился и приношу вам свои искренние извинения.

Андрей же повел себя странно – промолчал, залпом выпил бокал десертного «Черного лекаря», откинулся на спинку стула и закурил, задумчиво глядя в потолок. Андроновский с недоумением поглядел на Ольгу. Та коснулась руки любовника. Он вздрогнул, вопросительно посмотрел на нее.

– Петр Андреевич принес тебе свои извинения, – пояснила Ольга. Андрей рассеянно улыбнулся и кивнул:

– Да, хорошо – забудем!

Троф и Ольга облегченно вздохнули. Вечер покатился по ровной дорожке. После ужина Ольга и Андрей прогулялись по залитому ярким светом, бурлящему весельем и беззаботностью Кургородку. Андрей охотно выполнял все прихоти Ольги: пострелял из пневматической винтовки (попал три раза из тридцати), безуспешно пытался зацепить удочкой бутылку вина и даже сфотографировался в обнимку с негритянкой (подрабатывающей в Сочи на «африкан экзотик» студенткой Московского университета). Отказался только прыгать в поднебесье на

резиновых тросах, сославшись на плотный ужин. Ольга надула губы, но Андрей поклялся блеснуть в постели.

И сдержал слово.

* * *

Курортные будни летели в обычном режиме: аквапарк, катание на «банане», скутере и парашуте, таинственный полумрак пещер, изумительные горные виды Красной Поляны, тающая во рту нежнейшая свежельвовленная в «Каньоне» форель и купание в хрустальных струях водопадов. Ольге казалось, что ее жизнь немыслима без Андрея, без ласкового плена его обаяния и возбуждающих прикосновений его сильных рук.

Тем разительней ей показались перемены, начавшиеся уже в поезде на обратном пути в Москву. После безумной ночи страсти она уснула счастливой. Но, проснувшись утром, вдруг почувствовала, что уже устала от всего, что составляло радость и смысл ее жизни последние две недели. Вместе с бегущими назад километрами, оставившими далеко позади блистательный праздник старого доброго курорта, ее как-то незаметно покинуло опьянение страстью. И она с некоторым удивлением обнаружила, что Андрей вдруг начал раздражать ее именно тем, чем раньше очаровывал: естественным инфантилизмом и поверхностным мироощущением. Когда на остановке в Рязани любовник притащил огромный роскошный букет, составленный из содержимого корзины минимум трех цветочниц, она почувствовала недовольство – вот идиот, и так без денег, а сколько выкинул! А в Москве будет на еде экономить, жить на хлебе с вареньем и спитом чае. Она вдруг поняла, что с Андреем надо рвать: она не способна содержать альфонса – даже если он чемпион мира по «постельному спорту»!

Ожидание окончания пути превратилось в пытку. Ольга мрачно смотрела в окно и без конца выходила курить в тамбур. Андрей уловил ее состояние и не пытался навязывать свое общество. Ольга была благодарна ему за это.

Поезд опоздал минут на пять. Когда Ольга увидела мрачные кирпичные пакгаузы на въезде в Казанский вокзал, она была готова рыдать от облегчения.

– Спасибо, Андрюша, – мягко сказала она, пытаясь уклониться от его ищущего взгляда, – мне было очень хорошо.

– Я надеюсь, что мы еще увидимся? – нерешительно спросил он.

– Я подумаю, – пообещала Ольга, и он понял: никогда.

– Тебе лучше выйти первым, – сказала Ольга, роясь в сумочке. Ей ничего там не было нужно – просто не хотелось встречаться взглядом с Андреем. Странно: не первый раз она расставалась с любовником, но такого еще не испытывала!

– Спасибо за все, ты восхитительна, – произнес Андрей и поцеловал Ольгу в губы, которые она предусмотрительно не накрашила. Он не почувствовал отклика с ее стороны – с таким же успехом он мог приложиться к стене. На мгновение его охватила волна отчаяния. Он справился с горьким чувством, подхватил сумку с вещами и вышел в коридор.

Поезд остановился. Ольга посмотрела в окно и увидела Константина. Он не разглядел ее: по коридору проходили люди. Ольга ощутила прилив острой радости: она дома, в Москве, с любимым!

Он появился в купе через пару минут. Ольга радостно шагнула к нему, обвила его руками.

– Как долго, любовь моя, как долго! – шептал Константин, целуя ее лицо. А Ольга закрыла глаза и думала: «Как хорошо, как хорошо!» Она снова вернулась в рутину будней своей привычной жизни. Она снова дома!

Глава 8

После происшествия с неудачной попыткой ограбления Сергей стал на короткое время знаменитостью. Его показали в «Дорожном патруле» и в новостях на московском канале. Плюс короткая заметка в «Московском комсомольце». Короче, на федеральный уровень выйти не получилось, но искупаться в лучах славы довелось.

К приятным моментам стоило отнести и решение руководства фирмы предоставить ему внеочередной отпуск сроком на две недели и бесплатную путевку. Несколько отравило радость то, что ехать надо было в сентябре: дочь не могла прервать занятия в колледже, а жене не дали внеочередной отпуск на работе. Да и поездку сначала хотели предоставить на Кипр: все оплачивал банк, чьи деньги Сергей спас. Только в последний момент выяснилось, что у Сергея нет заграничного паспорта, и на Кипр по «горящей» путевке поехал родственник директора фирмы. А Сергей – в адлерский пансионат «Фрегат».

Купе Сергей делил с молодой семьей: муж, жена и двуногое исчадие ада лет десяти, вредное и капризное. В результате Сергей почти все время проводил в коридоре или в вагоне-ресторане – и последний нанес существенный удар по его скудному бюджету.

Когда Сергей вышел на залитый солнцем вокзал Адлера, то испытал поистине первобытный восторг: юное существо, попортившее ему нервы, влекомое нагруженными сумками и чемоданами родителями, хныча и кривляясь, навсегда исчезло за углом. Сергей с удовольствием закусил тут же на вокзале сосиской с картошкой под кружку разливной «Балтики» – и к нему вернулись оптимизм и любовь к человечеству.

Добравшись до Кургородка на маршрутке, Сергей нашел «Фрегат» не без труда – надпись на здании пансионата была выложена тонкими неоновыми трубками, абсолютно невидимыми днем. Номер формально считался двухместным, но у руководства хватило совести заказать его для одного Сергея. Совмещенный санузел, холодильник, персональный балкон... Могли бы, конечно, раскошелиться на кондиционер и телевизор. Впрочем, в середине сентября даже здесь вполне можно обойтись без кондиционера, да и почти полное отсутствие комаров позволяло при желании спать на балконе в шезлонге. Ну а к телевизору Сергей не питал непреодолимого пристрастия.

В первый же день он капитально обгорел на пляже и вторые сутки провел в номере, читая до одурения купленные в ларьке детективы. На его счастье, жена не забыла положить в вещи тюбик бутадиона, и на третий день он уже смог, не морщась от боли, надеть рубашку и сходить пообедать в столовую.

После обеда он уселся в тенечке за столик в ближайшем кафе, чтобы выпить кофе. За соседним столиком сидел его сосед по этажу, плотный мужичок лет пятидесяти с кудрявыми, тронутыми сединой волосами и проплешиной на макушке.

– Не возражаете, если я подсяду? – обратился он к Сергею.

– Пожалуйста, – пожал плечами тот. Мужичок подсел, перетасив кружку пива и пакет с фисташками. Сел на пластиковый стул и взглянул на Сергея из-за толстых стекол очков. Взгляд у него был немного растерянный: такой бывает у сильно близоруких людей.

– Угощайтесь! – радостно предложил он. – Третий день здесь один, словом перемолвиться не с кем. Семью взять с собой не удалось, а курортные романы, знаете ли, не для меня. В карты тоже не играю, так вот...

Сергей кивнул в знак понимания: он сам был не любитель курортных романов и преферанса до одурения.

– Позвольте представиться – Георгий Глебович Валович. Впрочем, какие могут быть церемонии на курорте, тут люди даже в ресторан ходят в шортах и голые по пояс... так что зовите меня просто Жора.

– Сергей.

Они обменялись рукопожатиями.

– Давайте вина выпьем по бокальчику, за знакомство, – предложил Жора, – вроде как на брудершафт. Тут недалеко отличные кубанские вина продают. Разливают прямо из бутылок, а не из бочек. Не люблю бочковые вина. Сходим?

– Отчего же нет? – отозвался Сергей, осторожно вставая со стула: рубашка прилипла к спине и отделялась, казалось, вместе с кожей.

Сергей, невзирая на робкие протесты Жоры, взял бутылку десертного «Черного лекаря». Жора, подумав, исчез и появился с двумя пластиковыми стаканами, в которых лежали ароматные желтоватые ломтики дыни. Они уселись за столик под раскидистым платаном.

– Вы тоже по путевке? – спросил Сергей, разливая в бокалы маслянистую темную жидкость.

– Да, разумеется, – кивнул Жора, прихлебывая вино, – замечательно, чудный аромат! Да... мне на кафедре дали. Выделили вдруг за пятнадцать процентов стоимости по линии Министерства образования. Раз в кои веки! Жаль, жену взять не смог.

– Вы в сфере образования работаете? – спросил Сергей.

– Да, я профессор на кафедре экономики, – ответил Жора и назвал один престижный московский институт.

– У меня как раз к вам дочь собирается поступать в следующем году! – воскликнул Сергей. Жора покачал головой:

– После обычной школы к нам сложно поступить. Очень сложно! Она учится в обычной школе?

– Да.

– Тогда вам нужен очень серьезный репетитор, – вздохнул Жора, – а то все словно с ума сошли, ломаются на экономический, конкурс под тридцать человек на место, так что сами понимаете, какие шансы...

– А вы можете кого-нибудь порекомендовать?

– Да, разумеется, но предупреждаю сразу – это будет стоить...

Услышав сумму, Сергей приуныл: нет, не потянуть! Придется Аньке выбирать попроще место!

– А может, порекомендуете курсы какие подготовительные, подешевле? – нерешительно осведомился Сергей. Жора назидательно поднял палец и изрек:

– Дешево хорошо не бывает! Поверьте мне, хорошие репетиторы стоят больших денег. Господи! Да что же это мы все на «вы» да на «вы»... Давайте на брудершафт!

И они выпили на брудершафт. Жора принес еще одну бутылку, а Сергей купил два стаканчика со сладкой ежевикой. Они уже были на «ты».

– Знаешь, – сказал Жора, закуривая тонкую сигару, – есть вариант... Один мой коллега, опытный репетитор, согласился позаниматься с моим племянником за половину стоимости. Я думаю, что он не откажется позаниматься на тех же условиях и с твоей дочерью, если я его попрошу.

– Жора, у меня нет слов! – развел руками Сергей. – Это было бы просто здорово!

– Ну тогда в Москве созвонимся и все обсудим.

Глава 9

Тавров мечтал о чашке кофе. Настоящего кофе, смолотого из отборной арабики и сваренного в керамической турке с крышечкой – в ней кофе долго не остывает и можно не торопясь пить чашку за чашкой. Кофе в строгом молчаливом одиночестве – что может быть прекраснее в начале длинного дня!

– К вам посетительница, Валерий Иванович, – сказала Катя. Тавров мрачно зашвырнул кепку на вешалку. Мечты всегда разбиваются о суровую реальность, такова их участь! Ладно, придется угостить и раннюю птичку.

– Сделай нам кофе, Катюша, – пробурчал Тавров, стараясь, чтобы сказанное прозвучало как можно любезнее. И прошел в свой кабинет. Кабинет и приемная раньше были одной комнатой, поэтому в приемной не было окна, а кабинет поражал спартанской простотой: письменный стол, узкий книжный шкаф, стул и кресло для посетителей – больше сюда ничего не влезало, даже урна для бумаг все время путалась под ногами.

Он увидел совсем юную девушку и окончательно приуныл. «Попросит найти неверного возлюбленного и, краснея, поинтересуется, где лучше сделать аборт, чтобы мама не узнала», – обреченно подумал Тавров, что-то промычав в ответ на смущенное «здрасьте» и усаживаясь за стол.

– Простите, как вас зовут? – обратился он к девушке, открывая толстый блокнот. Писать он ничего не собирался, но раскрытый блокнот всегда успокаивающе действовал на клиентов.

– Наташа, – запинаясь, ответила девушка и тут же поправилась: – Семенова Наталья Николаевна.

– Ну слушаю вас, Наталья Николаевна, – сказал, невольно улыбнувшись, Тавров.

– Вам насчет меня звонила Ленора Павловна, – полувопросительно, полуутвердительно заявила та. Тавров сразу вспомнил звонок недельной давности от своей старой знакомой, Леноры Карадаевой. «У девочки большое несчастье, постарайся ей помочь». Разве откажешь Леноре? Ну что же, придется принять участие в судьбе юной особы!

– Да-да, я помню, – отозвался Тавров, тщательно скрывая раздражение.

Вошла Катя, поставила поднос с двумя чашками чешского стекла, керамической туркой и стеклянной сахарницей.

– Спасибо, Катюша, – поблагодарил Тавров и снова обратился к девушке: – Позвольте, я вам налью кофе. Очень хороший кофе. Да... Ну так я вас слушаю!

Девушка послушно отхлебнула кофе. Кофе был очень горячий, но она даже не поморщилась – настолько была поглощена своими мыслями и чувствами.

– Видите ли, э-э...

– Валерий Иванович, – подсказал Тавров.

– Да, Валерий Иванович... У меня есть брат, Андрей... я его очень люблю, понимаете? – всхлипнула Наташа. Ее глаза налились было слезами, но она овладела собой. – Так вот... я живу с мамой, у папы давно другая семья, но свою квартиру он оставил Андрею. Он живет один, но я раз в неделю приезжаю к нему, убираюсь, покупаю продукты, если нужно... Так вот, он уже две недели не звонил. Обычно он звонит раза два в неделю, спрашивает, как здоровье мамы, а тут... уже две недели ни звонка! Ну как неделю он не позвонил, так я сразу к нему! А дома – никого. Уже несколько дней его не было дома, понимаете? Ну я обзвонила больницы, но нигде его нет. Только в морги я не звонила: там же придется искать, а я не смогу... Я пошла в милицию, но там заявления не взяли – сказали, что срок еще не вышел, может, сам объявится. А его уж две недели нет!

Наташа не удержалась и расплакалась.

– Ну-ну, – вздохнул Тавров, – давайте сначала. Значит, вашего брата зовут Семенов Андрей Николаевич. Год и место рождения?

– Тысяча девятьсот семьдесят пятый, Москва.

– Очень хорошо. Вот лист бумаги. Напишите, что вы, Семенова Наталья Николаевна, год рождения, номер и серия паспорта... паспорт у вас есть, я надеюсь?

– Конечно, мне уже девятнадцать... почти! – обиделась Наташа. – У меня и деньги есть, вот!

Она вывалила из сумочки на стол горсть смятых купюр. Самой крупной оказалась пятидесятирублевка. Тавров невесело хмыкнул.

– Вот и хорошо... Пишите! Написали? Значит, уполномочиваете ИЧП «Частное сыскное агентство Таврова» принять меры к розыску исчезнувшего такого-то числа такого-то месяца сего года вашего брата, Семенова Андрея Николаевича, тысяча девятьсот семьдесят пятого года рождения, уроженца города Москвы, проживающего по адресу... написали? В качестве платы за услуги по взаимной договоренности внесено один рубль ноль ноль копеек, что подтверждено корешком приходного кассового ордера номер... Написали?

Честно говоря, Тавров надеялся, что девчонка заколеблется, пообещает прийти позже и исчезнет навсегда. Но нет! Пишет, прилежно склонив голову набок, словно контрольную по алгебре. Вот свалилась на голову! Ладно, назвался груздем...

Тавров спрятал бумагу в ящик стола и поднялся.

– Ну вот, теперь я на законных основаниях могу представлять интересы Семеновой Натальи Николаевны. А теперь, Наташа, проедем на квартиру вашего брата.

* * *

В квартире одинокого мужчины царил образцовый порядок.

– Ваша работа? – недовольно спросил Тавров. Наташа кивнула:

– Я тут убиралась, думала, он скоро вернется.

Тавров осмотрел комнату, зашел в ванную. Никаких следов спешного отъезда не было заметно. На полочке в ванной лежала бритва «Shick» с начатым блистером запасных головок, стояли баллон с пеной для бритья «Harley Davidson», дезодорант «Mennen» и наполовину пустой флакон одеколона «Kenzo». Тут же валялся почти полностью выжатый тюбик «Blend-A-Med».

– А где он держал деньги? – спросил Тавров.

– В ящике тумбочки, в прихожей, – ответила Наташа, – чтобы я могла в магазин сходить и на рынок.

Тавров заглянул в ящик. Несколько купюр и мелочь. И еще начатый блок сигарет «Parliament». Тавров вытряхнул пачки из блока: семь штук. Н-да, Андрей Семенов явно не собирался уезжать надолго. Тавров прошел на кухню и заглянул в холодильник. Достал открытый пакет кефира, понюхал. Отчетливо пахло перебродившим. Тавров посмотрел число: срок годности вышел две недели назад.

– Он все время пил кефир?

– На ночь – всегда! Говорил, что организм очищает.

Тавров уселся на табуретку, закурил. Пододвинул пепельницу поближе, чтобы случайно не натрясти пепел на чисто вымытый пол.

– Похоже, что он действительно никуда не собирался уезжать, – прокомментировал результаты осмотра Тавров. – А вы знаете его друзей?

– Только одного, он был у нас раза три, Андрей с ним в школе учился, – ответила Наташа, – зовут Олег, работает на рынке, продукты на машине развозит по ларькам. Я его раза два в Бибиреве видела. Такой фургончик потертый, «Фольксваген».

- А где Андрей работал?
- В модельном агентстве. А в каком именно, не знаю.

Тавров встал.

- Спасибо, Наташа. Если что, я вам позвоню.

Они вышли из квартиры. Наташа заперла дверь на два замка и робко спросила Таврова:

- А вы вправду найдете его?

– Обязательно! – уверенно ответил Тавров. Раз Ленора попросила, придется в доску расшибиться, а найти Андрея Семенова. Тавров никогда не отказывал тем, кого любил или уважал. А Ленора Павловна вот уже двадцать пять лет относилась к обоим указанным категориям.

* * *

Олега Тавров нашел без проблем: потолкался полдня на Бибиревском рынке, поспрашивал и в тот же день уже с ним разговаривал. Для того исчезновение Андрея оказалось новостью.

– Нет, у бабы он так надолго не осел бы! – убежденно заявил Олег. – Ну на ночь, но на две недели?! Нет! И запить не мог, не из тех! Точно что-то случилось!

- А вы не знаете, в каком модельном агентстве работал Андрей? – спросил Тавров.

– Знаю, – ответил Олег, – только он давно там уже не работает. Последний год он работал в стриптиз-баре «Чио-Чио-сан».

- Барменом? – удивился Тавров.

- Нет, стриптизером, – уточнил Олег.

* * *

Стриптиз-бар «Чио-Чио-сан» находился в переулках близ Пятницкой улицы. Тавров с трудом разыскал вход в подвал под маленькой неоновой вывеской. Мрачный секьюрити долго разглядывал удостоверение частного сыскного агентства и визитку, потом буркнул:

- Подождите, поговорю с хозяйкой.

Он вернулся минут через пять и сказал:

- Хозяйка вас ждет. Только заходите с черного хода, дверь в торце здания.

Тавров обошел дом и сразу увидел искомую дверь. Там его встретил второй охранник и проводил до кабинета.

Хозяйка оказалась миловидной дамой постбальзаковского возраста, но без малейших признаков седины в черных волосах. Костюм с белой блузкой не казался излишне строгим из-за кокетливо повязанного черного бантика. Мадам курила зеленую сигарету «Sobranie» и с интересом разглядывала Таврова.

– Садитесь, – произнесла она певучим сопрано и указала на большое красное кресло с обивкой из натуральной кожи, – э-э...

Тут она скосила глаза на визитку.

- Валерий Иванович, – подсказал Тавров.

– Да-да, Валерий Иванович, – с облегчением вздохнула хозяйка. Прочитать шрифт на визитке без помощи очков она была явно не в состоянии. – А меня зовут Анжелика Романовна. Чай, кофе?

– Нет, спасибо, – отказался Тавров, – я ведь ненадолго. Меня интересует Андрей Семенов. Он ведь у вас работал, не так ли?

– Ах вот что, – промолвила Анжелика Романовна. – Да, Андрюша работал у нас, но сейчас он в отпуске за свой счет, как раз третья неделя пошла. А что он натворил?

– Ну что вы! – рассмеялся Тавров. – Сразу «натворил»! Я ведь не из милиции, я частный детектив и по поручению родственников Андрея выясняю его местонахождение.

– Так он исчез? – недоуменно вскинула брови Анжелика Романовна. – Когда?

– Примерно две недели назад. Точно сказать пока не могу, – собственно, я вас и посетил для того, чтобы выяснить. Когда вы в последний раз видели Андрея?

– Минуточку, – остановила его Анжелика Романовна. Она сняла трубку, набрала номер. – Алло, Наташенька? Это Анжелика Романовна. А где Андрюша? Как давно? Ах так... Да, Валерий Иванович сейчас у меня. Да, перезвоню позже.

Анжелика Романовна положила трубку и, виновато улыбнувшись, сказала:

– Вы уж извините, но я должна была убедиться, что вы действительно хотите помочь Андрюше.

– А что, у него были враги?

Анжелика Романовна пожала плечами:

– Видите ли, специфика профессии... У нас стриптиз-бар для женщин. В основном приходят одинокие дамы, скучающие матроны... Естественно, что кто-то из мальчиков им нравится... Тут нет сводничества, упаси боже! Просто они знакомятся, возникает взаимная симпатия, понимаете? Я, разумеется, не могу поклясться, что материальный фактор напрочь отсутствует, но лично мне такие случаи неизвестны. Ну а поскольку некоторые дамы имеют мужей и любовников, то в случае раскрытия такой связи могут... м-м... возникнуть всяческие инциденты. Вы понимаете?

– И много их было? – поинтересовался Тавров. Анжелика Романовна всплеснула руками:

– Господь с вами! Ни одного! Поэтому я даже и не знаю, что и думать по поводу Андрюши.

– Расскажите мне о нем, – попросил Тавров, – что он за человек, как попал к вам?

– Андрюша с девяносто четвертого года работал в модельном бизнесе, – начала рассказывать Анжелика Романовна. – Вначале все шло хорошо – симпатичный юный мальчик с отличной фигурой и все такое... Я думаю, что именно тогда он и оказался окружен повышенным вниманием, его элементарно избаловали. Ну а после дефолта в девяносто восьмом модельное агентство прекратило существование, и одна моя знакомая порекомендовала мне милого юношу. Я посмотрела его на сцене и взяла на работу. Хотя, честно говоря, никаких художественных дарований у него нет – с грехом пополам поставили ему пластику и движение. Но уровень амбиций очень высок, поэтому он всегда рассматривал работу у меня как временную.

– А на что он рассчитывал?

– Что его заметят, что он станет знаменитой фотомodelью. Видите ли, у Андрюши весьма странная логика. Вот вы... каких знаете фотомodelей?

– Ну Клаудиа Шиффер, Наоми Кэмпбелл, э-э...

– Евангелиста, – подсказала Анжелика Романовна, – и так далее, можно долго продолжать. А теперь вспомните хотя бы одного мужчину-фотомodelь, ну?

– Э-э... – задумался было Тавров, потом рассмеялся и развел руками: – Извините!

– То-то и оно! Никого не можете вспомнить! – с удовлетворением констатировала Анжелика Романовна. – Не смущайтесь, я тоже практически никого не могу вот так с ходу назвать. Это ли не показатель? А вот в Андрюшу сей факт, наоборот, вселял уверенность, что уж он – прорвется! Станет знаменит, за него будут драться фирмы и престижные рекламные агентства. Первое время он возлагал очень большие надежды на посетительниц нашего заведения.

– Первое время? – переспросил Тавров. – Как долго?

– Вернее, до последнего времени, – поправилась Анжелика Романовна, – а примерно месяца полтора назад вернулся с юга, где отдыхал с какой-то очередной пассией, ну просто необычайно окрыленным! Он рассказал, что какой-то пока малоизвестный, но весьма перспективный скульптор собирается взять его натурщиком и в этом же году показать на персональной выставке. Собственно, для этого он и брал отпуск за свой счет.

– А фамилию скульптора вы не запомнили? – поинтересовался Тавров, доставая блокнот.

– Запомнила, – ответила Анжелика Романовна, – забавная такая и короткая. Троф. Просто Троф.

– А когда должна состояться эта самая персональная выставка?

– Не могу сказать, – пожала плечами Анжелика Романовна и добавила: – Андрюша обещал прислать пригласительный билет, да теперь уж... Впрочем, он говорил, что выставка должна состояться в конце осени.

– Вы позволите? – потянулся Тавров к телефону.

– Да-да, разумеется!

Тавров позвонил Кате.

– Катюша, выясни срочно, где и когда собирается проводить персональную выставку скульптор Троф. Нет, не Дров, а Троф, Тимофей, Роман, Ольга, Федор. Позвони мне домой. Все.

Тавров положил трубку и поднялся.

– Спасибо, Анжелика Романовна. Позвольте откланяться.

– Ну что вы, не за что.

Тавров уже открыл дверь кабинета, когда Анжелика Романовна окликнула его:

– Валерий Иванович, у меня к вам будет просьба... Как вы выясните что-нибудь... или вдруг понадобится моя помощь, то сразу свяжитесь со мной, хорошо?

Анжелика Романовна достала из коробки зеленую сигарету и, нервно теребя ее длинными изящными пальцами, проговорила:

– Андрюша, он ведь... как большой ребенок... Понимаете?

* * *

Через полчаса после того, как Тавров вошел к себе домой, позвонила Катя и сообщила: выставка скульптора Николая Трофа откроется в один из ближайших дней в ЦДХ на Крымской набережной. Вход только по приглашениям.

Тавров подумал, что неплохо бы раздобыть приглашение, но со связями в мире искусства у него было плохо. И тут его осенило: ведь Андрею Троф обязательно должен был прислать приглашение! Вряд ли натурщик таскал его с собой, наверняка оно либо лежит в почтовом ящике, либо у него дома. И Тавров немедленно позвонил Наташе. Договорились через час встретиться возле дома Андрея.

Тавров попросил Наташу проверить почтовый ящик. Ящик оказался битком набит рекламными газетами и листками. Однако приглашения там не оказалось.

– А Андрей сам забирал корреспонденцию? – спросил Тавров.

– Обычно сам, – ответила Наташа, – когда не забывал. Тогда я. Он потому специально для меня дубликат ключа сделал.

– А куда он складывал ненужные газеты?

– Обычно в обувной ящик в прихожей. Он часто не разбирал бумаги по нескольку дней. Раньше просто выбрасывал рекламу. Однажды вместе с рекламой выбросил какое-то важное письмо и с тех пор все, что доставал из почтового ящика, складывал в обувной ящик, – пояснила Наташа, отпирая дверь. Она пропустила вперед Таврова и сказала: – Вон, в тумбе, внизу. Это он и есть.

Тавров выдвинул ящик: тот действительно оказался завален рекламными газетами и листками. Детектив тщательно перебрал все бумаги, но никаких писем и приглашений там не оказалось.

– А Андрей ходил с сумкой или с борсеткой? – поинтересовался Тавров. Наташа отрицательно покачала головой:

– У него никогда не было ничего такого. Он говорил, что обязательно потеряет борсетку в первый же день. Это правда, он такой!

– Ну что же, спасибо, Наташа, извините за беспокойство, – сказал Тавров.

– Вы его, пожалуйста, найдите, – прошептала Наташа. Она старалась держаться, но ей это плохо удавалось: по щеке медленно стекала слеза. Девушка отвернулась, украдкой смахнув ее.

– Эх, доченька, – обнял ее за плечи Тавров, – я только этим и занимаюсь!

Глава 10

Последующие два дня Тавров посвятил обзвону больниц и моргов. Пришлось съездить в несколько мест, чтобы проверить неопознанные трупы и бессознательных больных. Но никого даже просто похожего на Андрея среди них не оказалось. Впрочем, Тавров не отчаивался: он возлагал большие надежды на встречу с Трофом.

...На вернисаж детектив приехал вовремя, но никак не мог проникнуть в зал, где проходила выставка. Охранник впускал только по приглашениям, и даже магическая зеленоватая бумажка с портретом Улисса Гранта не произвела должного впечатления. Тавров как раз предавался размышлениям, не увеличить ли сумму взятки, как вдруг услышал за спиной голос:

– Валерий Иванович, какими судьбами! Сколько лет, сколько зим!

Сыщик обернулся и увидел Славу Дронова. Слава когда-то начинал работу в милиции стажером в уголовном розыске под руководством Таврова. С годами он несколько растолстел, полысел – словом, обрел солидность. Прекрасный темно-синий английский костюм, темно-коричневые итальянские туфли и настоящий золотой «Rolex» дополняли картину преуспевания: типичный бизнесмен средней руки.

– Из любви к искусству или по служебной надобности сюда заглянули? – продолжал расспрашивать Слава, обрадованно тиская ладонь Таврова.

– По служебной, Слава, по служебной! Да вот никак не могу проникнуть на закрытую презентацию. Завтра, говорят, приходите. А мне сегодня туда попасть нужно!

– Как, по удостоверению МУРа не пускают? – нахмурился Слава. Тавров грустно рассмеялся:

– Да нет, Слава, я же уже давно на пенсии. Теперь я владелец частного детективного агентства. Вот, даже билет купил на входе. А в этот зал пройти не могу!

– Ох, Валерий Иванович, сразу бы ко мне обратились, – с досадой сказал Слава, – ведь это мои ребята сейчас здесь охрану несут. Идемте!

Они подошли к охраннику на входе, и Слава сказал ему:

– Так, Игорек! Вот, пропусти Валерия Ивановича, пусть он тут поработает. Если ему понадобится помочь, то... Ну в общем, понял?

– Понял, Вячеслав Петрович! – ответил неподкупный Игорек, отодвигаясь в сторону и пропуская Таврова.

В зале царилась кромешная тьма, и Тавров замер на пороге, недоумевая. Раздались нарастающие звуки музыки, – кажется, Вангелиса, из «Огненных колесниц», – и зал начал затопливать постепенно становящийся ярче рассеянный свет. По полу стелились призрачные струи дыма, пронизанные разноцветными лучиками, а над ними возвышались представленные избранной публике шедевры современного искусства.

Шедевров всего было семь. У входа стояла скульптурная группа из трех обезьян темно-серого цвета, которую каждый входящий в зал должен был обогнуть справа или слева. Одна закрывала себе рот, другая – глаза, третья – уши. Называлась эта группа «Отрешенность от реальности». Тавров не сразу понял, почему скульптура выглядит столь омерзительно, но потом, приглядевшись, увидел, что обезьяны изваяны наголо выбритыми.

Обойдя бритых зверей справа, Тавров обнаружил желтую собаку – тоже бритую. Впрочем, моделью послужил короткошерстный мастиф, поэтому скульптура не так шокировала. Мастиф стоял в пружинистой боевой стойке, обнажив блестящие металлические клыки и опираясь левой передней лапой на человеческий череп. Называлась композиция «Страж Вечности».

За собакой виднелась также безжалостно обритая страхолюдная кошка, сжимавшая в челюстях довольно упитанную симпатичную крыску. Крыса, в свою очередь, кокетливо дер-

жала в золотых зубках компьютерную мышь. Мышь была настоящей, на ней отчетливо читалась фирменная надпись «Microsoft». Только мыши и удалось сохранить свой естественный цвет. Крыса была оранжевой, а кошка зеленой. В стеклянных искусственных глазах, казалось, светилось вполне натуральное безумие. Называлась вся эта жуть «Любопытство не порок».

Дальше присутствовал черный глянцевый питон, жадно заглатывающий блестящей хромированной пастью настоящую магнитолу «Panasonic». Зоотехническое творение носило несколько агрессивное название: «Долой рэп!» Надо полагать, что самого рэпера питон уже успешно проглотил.

Дальше пошли скульптурные изображения людей. Сиреневая абсолютно голая девица с распущенными волосами возлежала на алюминиевом ложе в завлекающей позе рубенсовской Данаи. Девица так и называлась: «Двадцать первый век, Даная». А дабы подчеркнуть современность, скульптор обул ее в отливающие хромировкой туфли на высоком каблуке.

Дальше стояло кресло натуральной кожи, на котором уютно расположилась нежно-салатовая девушка с невинным детским личиком. Девушка тоже была обнажена, но из вызывающих повышенный интерес мест виднелась лишь левая грудь: остальное умело прикрывали ладони и ниспадающие волны длинных ультрамариновых волос. Название очевидно: «Целомудрие».

В конце зала в ярко освещенной нише находилась именно та скульптура, ради которой и пришел Тавров. Красный атлет, напрягая бицепсы в позе дискобола, собирался энергично метнуть объемистую бутылку с виски «Johnny Walker». Композиция носила иронически-назидательное название: «Роль спорта в борьбе с алкоголизмом».

* * *

Тавров задумчиво смотрел на скульптуру. Да, это был Андрей. Сосредоточен, собран. Если убрать бутылку (интересно, а виски там действительно настоящий?), то в скульптуре не будет ничего гротескового. Отчетливо видна каждая линия напряженных мышц, вздувшиеся вены и фактура кожи. Даже взгляд стеклянных глаз выражал сосредоточенность. С предельным реализмом исполнения диссонировал только красный цвет тела атлета и его коротко остриженные под «платформу» малиновые волосы.

– Что, впечатляет?

Рядом с Тавровым остановился высокий здоровяк с открытой банкой «Невского» в руке.

– Весьма реалистичная техника исполнения, – отметил Тавров. Здоровяк ухмыльнулся, отхлебнул пива и сказал:

– Вот именно что «техника»! Торжество технологии – и более ничего! В конце восьмидесятых даже была такая творческая группа скульпторов: «Технологический реализм». Тщательно отделявали детали человеческого тела, включали в скульптуру натуральные ткани, настоящие очки и прочую мишуру. А один парень так наловчился из папье-маше ваять – от настоящего мрамора не отличишь! Ну и где они все? Кто талантлив, тот смог пробиться, а остальные...

Судя по презрительно прозвучавшей последней фразе, здоровяк сумел пробиться.

– Но это же были энтузиасты! Пусть не все талантливы, но энтузиасты, черт возьми! Варили образы из арматурных прутьев и ржавого железа – вот это был авангард! Сейчас разве авангард?! А почему? Да, потому что – кто мы были? В основном технари, промдизайнеры, пришедшие в искусство по зову сердца. Я вот, например, бывший гипсомодельщик с авиационного завода. Знаете, что это такое – «гипсомодельщик»?

– Нет, – честно признался Тавров.

– По гипсовым моделям отливают формы для последующего металлического литья, – начал объяснять словоохотливый любитель «Невского». – Я десять лет оттрубил на заводе, а потом – перестройка, свежий ветер! Ну я и ушел в искусство – и не жалею!

– Поздравляю, – сказал Тавров, – но я не понимаю, чем вам не нравится творчество Трофа.

Здоровяк с досадой крикнул и начал объяснять:

– Честно говоря, меня возмущает даже не позерство и не откровенная ставка на эпатаж. Вы, кстати, знаете, как его фамилия? Трофимчук, а вовсе не Троф! Но совершенно возмутительны претензии на революционное новаторство, широко разрекламированное и тщательно засекреченное «ноу-хау». Все эти производящие на публику впечатление технические приемы давно известны. К примеру, один парень натурщика поливал специальной пеной. Как та схватится, он ее надрезает и снимает. Поскольку раньше он свеживал оленей на Севере, то у него это ловко получалось! Ну потом заливал внутрь наполнитель: гипс там или еще чего и – пожалте! А Троф, я думаю, делает слепки с отдельных частей тела, потом это все собирает на каркасе, шпаклюет швы, – вот вам и реалистичность!

– А фактура кожи? А волосы?

– Да полно приемов. Можно покрывать статую тонкой пленкой специального аэрозоля и вынести на холод. Пленка съжится таким образом, что получится подобие фактуры кожи. Правда, она будет несколько глянцевой, но Троф, видимо, преодолел этот недостаток. А волосы... вон у той шлюхи на алюминиевом лежбище волосы явно сделаны из парика. Приглядитесь – парик! Волосы выкрашены краской «металлика» и закреплены лаком. Вот и все! А вот у этого «вискибола» стрижка «короткая платформа», поэтому здесь такой фокус не пройдет. И Троф, видимо, просто вытянул волосы из исходного материала фильерной сеткой. И где здесь талант, спрашиваю я вас?! Голая технология, да еще ворованная! А стеклянные глаза?! Ведь это же просто китч!

Здоровяк допил пиво, смял банку одним ловким движением могучей ладони и аккуратно поставил ее за постамент скульптуры.

– Однако выставка проходит с размахом и эффектно, – заметил Тавров, – уж это, я полагаю, вы признаете?

– Ну еще бы! – саркастически воскликнул бывший гипсомодельщик. – Ведь кто это все организовал? Друг Трофа, Петя Андроновский. А связи у Пети, скажу я вам...

– А Андроновский не боится конкуренции? – спросил Тавров.

Здоровяк иронически посмотрел на Таврова:

– Дорогой мой! Андроновский – портретист, он в другой экологической нише. Так что их трогательной дружбе ничего не грозит! И скажу вам еще для ясности картины...

Тут здоровяк вдруг прервал свою тираду и, широко раскинув руки, картинно обнял подошедшего плешивого толстяка.

– Петя, это потрясающе! – заорал он, немилосердно тиская безуспешно пытающегося вырваться Петю. Тавров счел момент удобным для вмешательства.

– Прошу прощения, но вы действительно Петр Андроновский?

– Да, разумеется, – просипел Андроновский, выбираясь из могучих объятий гипсомодельщика, – а мы знакомы?

– Нет, но у меня есть знакомые среди ваших поклонников, – сказал Тавров, втискиваясь между здоровяком-гипсомодельщиком и Андроновским. – Это для меня такая честь!

Наконец здоровяк оставил их наедине и удалился. Андроновский вытер платком вспотевшее лицо и проворчал:

– Он иногда просто невыносим. А вы...

– Тавров, Валерий Иванович, – с готовностью представился Тавров и, не давая Андроновскому перевести дух, посочувствовал: – Наверное, тяжело это все организовать...

– Еще бы! – сразу подхватил тему Андроновский. – Вы не представляете, сколько сил и средств я затратил. А что делать, надо помочь Коле, – ну кто еще поможет, если не друзья! А вы сами...

– Кстати, а где же сам виновник торжества? – поспешно спросил Тавров, не давая разговору уйти в сторону. – Прошу вас, познакомьте меня с ним!

– Да вот он идет, – сказал Андроновский, кивая на приближающуюся странную пару. Высокий худощавый мужчина лет пятидесяти с лицом, напоминающим пергаментную маску, и красивая блондинка лет тридцати в синем вечернем платье «от кутюр».

– Коля! – обратился к мужчине Андроновский. – Позволь тебе представить Валерия Ивановича Таврова...

– Очень приятно! – затряс руку Трофа Тавров. – Я просто потрясен вашим «вискиболом»! Какая удивительная экспрессия, напряженность! А тело – ну просто предел совершенства! Неужели у вашего натурщика была такая совершенная мускулатура? Или же это собирательный образ?

– Я не работаю с собирательными образами, – с презрительным превосходством ответил Троф, – это мой натурщик. У него действительно совершенное тело, – мы видели его на пляже, так что и Петя и Оленька вам могут подтвердить, что это действительно так. Я даже хотел, чтобы он продемонстрировал свое тело публике прямо здесь, но он почему-то не пришел на открытие. А жаль!

– Может быть, не дошло приглашение? – раздался голос за спиной Таврова. – Невозможно ничего поручить никому, все надо делать лично. Не правда ли?

Тавров хотел обернуться, но его поразил взгляд Трофа. Тот смотрел в сторону Таврова остановившимся взглядом. Пронзительные ярко-голубые глаза – как у актера Питера О’Тула, но только помещенные на лицо Фредди Крюгера. И только через мгновение Тавров понял: Троф смотрит на того, кто у него за спиной.

– Ерунда! – резко воскликнул скульптор. – У меня нет секретаря, и я лично отправлял приглашения. Всем без исключения! В том числе и Андрею!

– Тогда это почта напортачила! – предположил неизвестный собеседник Трофа. – Не переживайте, дружище!

Тавров повернул голову, чтобы разглядеть его, но тот уже отходил, протирая на ходу платком стекла темных очков. Тавров разглядел лишь сутуловатую спину, обтянутую серым летним плащом, и неопределенного цвета волосы, выющиеся на приподнятом воротнике плаща.

– Прошу извинить, Николай, – вмешалась Ольга, – но мне уже пора. Спасибо вам, ваша выставка просто потрясающая.

– Благодарю вас, Оленька, – склонился Троф, целуя красавице руку, – льшу себя надеждой увидеть вас здесь после Рождества, когда я пополню экспозицию парой новых работ.

– Непременно, Николай, непременно, – пообещала Ольга и направилась к выходу. Тавров поглядел ей вслед, повернулся к Андроновскому и Трофу и сказал:

– Прошу меня извинить, господа, но мне нужно сделать срочный звонок.

И направился вслед за Ольгой. Он нагнал ее у выхода, взял под локоть и в ответ на рассерженный взгляд сказал:

– Извините, ради бога, но я должен с вами поговорить. Дело в том, что Андрей пропал и я должен его найти.

* * *

Ольга и Тавров сидели в кафе ЦДХ. Было шумно, но столики стояли достаточно далеко друг от друга, и можно было относительно спокойно поговорить.

– Где вы познакомились с Андреем?

– У гадалки, у матушки Евфросиньи. Я выходила от нее, а он меня увидел и... В общем, познакомились, стали встречаться. Потом поехали вместе на юг. Только я вас умоляю – мой муж ничего не должен знать!

– Могли бы и не напоминать! – укоризненно заметил Тавров. – Частные детективы просто обязаны соблюдать полную конфиденциальность, иначе быстро останутся без клиентов.

– Не знаю, чем могу быть вам полезна, – сказала Ольга, катая в бокале с «Дайкири» кусочек льда, – ведь мы расстались сразу по приезде в Москву и больше не встречались.

– Вы поссорились? – уточнил Тавров.

– Что вы, нет! – возразила Ольга. – Просто это был обычный краткосрочный роман. А здесь – у каждого своя жизнь. Понимаете? Конечно, Андрюша хотел еще со мной встретиться, но... длительное общение с ним очень утомительно! Понимаете, у него все на чувствах, а когда чувства приправлены соусом инфантилизма и спонтанности, то... это очень утомляет!

– Значит, вы расстались с ним на вокзале, и больше он вам даже ни разу не звонил? – попытожил Тавров. Ольга кивнула, но сочла необходимым пояснить:

– Андрюша... он все понимает. Может, он не очень умен, но он все чувствует, все нюансы вашего настроения. Это приятно, особенно первое время, но потом начинает раздражать... Короче, он все понял без слов и не стал искать встречи со мной.

– А вы не знаете, когда Троф встречался с Андреем? – спросил Тавров. Ольга недоуменно пожала плечами и ответила:

– По-моему, вам лучше спросить у Николая. Он еще в Адлере договорился с Андреем, что тот будет ему позировать. А когда и где, я не в курсе.

– Скажите, а у Андрея были враги, недоброжелатели?

– Я ничего не знаю об этом, – ответила Ольга и, подумав, неуверенно добавила: – Вообще Андрей очень спокойный и мягкий. Лишь один раз он поссорился с Андроновским, но Петя действительно был тогда невыносим. Он иногда бывает таким. Но Петя извинился, и Андрей тут же забыл об этом. Он вообще не злопамятен. – Вы извините, но мне действительно пора. Меня дома муж ждет.

– Да-да... Последний вопрос. У вас приглашение с собой?

– Разумеется, – Ольга раскрыла сумочку и достала белый конверт с золотой каймой и изящным золотым вензелем. Тавров повертел его в руках и спросил:

– Можно, я его оставлю у себя... на время?

– Пожалуйста, – разрешила Ольга. Взяла салфетку, написала на ней телефонный номер, посмотрела на Таврова и сказала: – Когда все выяснится, позвоните мне – хорошо?

– Хорошо, – согласился Тавров. И Ольга ушла, оставив салфетку с номером телефона и недопитый «Дайкири». И легкий аромат духов, названия которых Тавров не знал.

* * *

Тавров вернулся в зал. Проходя мимо охранника Игоря, он сказал:

– Игорь, у меня к вам будет просьба. Организуйте мне копию вашего списка приглашенных, ладно?

– Нет проблем, Валерий Иванович! – заверил Игорь.

Тавров подошел к Трофу и спросил:

– Скажите, а Ольга и Андрей в Адлере не ссорились, вы не замечали?

– Позвольте, а почему вас это интересует? – холодно осведомился Троф.

– Ах, любезный Николай Иванович, разве вы еще не догадались? – мягко спросил Тавров. – Вы же лично рассылали приглашения! А меня в списке приглашенных нет.

– Действительно, а как вы сюда попали? – с подозрением спросил Троф.

– При моей профессии это не проблема.

– И кто же вы по профессии? Медвежатник?

– Нет, я расследую обстоятельства исчезновения Андрея Семенова. Поэтому повторяю вопрос: Андрей и Ольга ссорились в Адлере? Ведь такое бывает между любовниками.

– А откуда вы знаете, что они были любовниками? – не удержался от вопроса Троф.

– Мне это сказала Ольга. Я спросил ее, она рассказала.

– Странно, – недоверчиво протянул Троф.

– Почему? – пожал плечами Тавров. – Она, видимо, решила, что я все знаю от Андроновского и потому не имеет смысла скрывать ее отношения с Андреем. Тем более что они уже прекратились. Ольга производит впечатление разумной женщины.

– Да, весьма, – согласился Троф.

– Так вы не ответили на мой вопрос, Николай Иванович. Ссорились ли в Адлере Ольга и Андрей?

– Никогда не видел, – отрицательно покачал головой Троф. – Андрей был на редкость сдержанный парень.

– Да? А что за конфликт вышел у него с Андроновским? – быстро спросил Тавров.

– Вы и об этом знаете... Да ерунда! Петя что-то ляпнул, Андрею это не понравилось, но он даже не вспылил, а просто вышел. А когда он вернулся, то Петя извинился, и инцидент был исчерпан. А что, вы думаете...

– Я полагаю, что Андрей уже давно мертв, – веско произнес Тавров, – поэтому так подробно опрашиваю всех, кто с ним общался последнее время. Давайте вернемся к вам. Когда вы в последний раз видели Андрея Семенова?

– Сейчас, минуто, – задумался Троф, – это было двадцать шестого октября. Последний сеанс. Я с ним расплатился и больше его не видел.

– Получается, что вы видели его последним, – заметил Тавров, – так что нам придется еще раз встретиться, чтобы побеседовать поподробнее в спокойной обстановке. Когда?

– Ну, скажем... завтра в двенадцать у меня в студии.

– Хорошо, давайте адрес.

Подошел Андроновский и, улыбаясь, спросил:

– О чем секретничаете?

– Да вот... Валерий Иванович, оказывается, из милиции, – кисло ответил Троф, – следует исчезновение Андрея.

– Бог мой! Он исчез?! – воскликнул Андроновский. – Как, каким образом?

– Кто вам сказал, что я из милиции? – поднял брови Тавров. – Я частный детектив и веду расследование по просьбе родственников Андрея. Когда исчезновением Андрея займется милиция, – а после вашей блистательной выставки это случится очень скоро, – вам придется отвечать на множество очень неприятных вопросов в кабинете следователя. А я гарантирую полную конфиденциальность. Поэтому в ваших интересах помочь мне, не так ли?

– Да, конечно, – поспешно согласился Троф.

– Тогда позвольте откланяться. До завтра, Николай Иванович! Всего хорошего, Петр Андреевич!

И Тавров направился к выходу, провожаемый двумя парами озабоченных глаз.

Глава 11

Придя к себе в офис, Тавров достал из кармана копию списка приглашенных и вручил ее Кате.

– Катюша, пробей этих граждан по базам данных: я хочу знать, где они живут. А я пока пойду пообедаю.

Когда через час Тавров снова пришел в офис, Катя протянула ему распечатку.

– Вот, Валерий Иванович. Двоих из списка в наших базах нет: то ли базы устарели, то ли они иногородние и живут без регистрации. Проверить их через паспортный стол?

Помимо регулярно приобретаемых на Царицынском рынке «пиратских» дисков с базами данных МГТС и ГУВД, Тавров имел еще несколько источников информации: это были сотрудники паспортного стола, компаний сотовой связи, риелторских фирм и тому подобное. За умеренную плату они охотно выполняли щекотливые просьбы частного детектива. Они не видели в этом ничего зазорного – в конце концов, не Родину же продают!

На этот раз Тавров не стал повышать благосостояние чиновника из паспортного стола – он уже увидел в списке то, что хотел. Поэтому сказал:

– Не надо, Катюша. Лучше свари мне кофейку, а потом найди координаты почтальона, обслуживающего дома по улице Шверника. Конкретно... Вот я тебе пишу номер дома: он с дробью, да еще корпус, – немудрено перепутать... А как выяснишь, – на сегодня можешь быть свободна!

Разумеется, в почтовом отделении никто так просто не даст адрес почтальона, однако для Катюши это не затруднение.

Тавров прошел к себе. Завыла кофемолка, и через пять минут Тавров уже отхлебывал обжигающий ароматный напиток. Через двадцать минут Катя положила на стол листок с адресом почтальона.

– Так я пошла, Валерий Иванович?

– Да-да, Катюша, до свидания!

Тавров выпил еще чашку кофе, взял листок и отправился на Академическую.

* * *

Почтальон жил на улице Гримау. Точнее, должен был жить согласно прописке. И вообще его могло не оказаться дома. Но Таврову повезло. Молодой парень лет двадцати действительно жил по месту прописки и оказался на месте.

– Да, я обслуживаю этот дом, – испуганно сказал он, взглянув на листок с адресом, – а что случилось?

– Да ничего, – ответил Тавров, – просто я хотел узнать, не случилось ли вам неделю назад доставлять в квартиру номер тридцать два вот такой конверт?

И он показал конверт с приглашением для Ольги. Почтальон взял конверт в руки, повертел и вернул его Таврову.

– Да, неделю назад. Только не по этому адресу, а в соседний дом, в двадцать первую квартиру.

– Сухомлинову? – уточнил Тавров.

– Не знаю, – пожал плечами почтальон, – фамилию не запомнил. А вот конверт – да. Обычно они простые, стандартные, а этот очень красивый, с золотым вензелем. Если бы еще один такой был, я бы тоже помнил. Нет, точно только один был. А что, исчезло письмо? Но я тут ни при чем!

– Разумеется! – успокоил его Тавров. – Я полагаю, что письмо просто забыли отправить. Спасибо, извините за беспокойство!

– Да нет, ничего, – облегченно вздохнул почтальон, – но второго такого точно не было!

– Еще раз спасибо, – поблагодарил Тавров и попросил: – Можно от вас позвонить?

– Да, конечно!

Тавров позвонил в типографию, изготовившую конверт, – благо номер телефона был указан тут же.

– Вас беспокоит секретарь скульптора Трофа. Мы делали у вас в прошлом месяце заказ... Как нет? Договор заключался на фамилию Трофимчук. Да, я подожду... Ага, нашли? У нас тут некоторая неразбериха с приглашениями получилась, так я хотел уточнить, сколько точно конвертов вы для нас изготовили? Сто штук? Нет, все нормально, большое спасибо!

Тавров повесил трубку и улыбнулся почтальону.

– Разобрались? – поинтересовался тот.

– Разобрался, – кивнул Тавров. На самом деле он еще не разобрался ни в чем. Но крепло ощущение, что он на верном пути.

* * *

Троф жил недалеко от станции метро «Аэропорт» в кирпичном доме, когда-то населенном видными представителями советской «творческой интеллигенции». Однако время не любит постоянства. Потомки кумиров шестидесятых и семидесятых годов мало-помалу распродали престижные квартиры тем, кто мог заплатить. Дом потихоньку заселялся не только удачливыми дельцами нового «коммерческого» искусства, но и простыми «королями апельсино-чебуреков». Тесный двор запружен иномарками, детские качели с песочницей выглядели нелепо в окружении сомкнутых рядов автомобильных панцирей и гофрированных плоскостей «ракушек».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.